

13482.

213

188

3481
13482
13481
1895, VIII
Дингельштедт Н.

ЗАКОНЪ О ВОДѢ ДЛЯ КРЫМА ¹⁾.

78035
Изъ тезисовъ, подробно изложенныхъ на повѣсткѣ, вы благоволите усмотрѣть, что задача моя существеннымъ образомъ заключается въ выясненіи вопроса—какой законъ о водѣ долженъ быть выработанъ для Крыма. Я говорю про спеціальный законъ объ оросительной водѣ и не про какой другой болѣе.

¹⁾ Докладъ, читанный въ Юридическомъ Обществѣ 28 апрѣля 1895 г. Положенія доклада слѣдующія: 1) Дѣйствующій нынѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Крымскаго полуострова, порядокъ въ ирригаціонномъ хозяйствѣ, какъ основанный на устарѣвшихъ положеніяхъ мусульманскаго права, совершенно не удовлетворяетъ большинство населенія, не разрѣшая ни вопроса о правахъ на воду, ни вопроса о порядкѣ пользованія оросительными водами, почему является необходимость въ выработкѣ, для Крымскаго полуострова, спеціальнаго закона объ оросительныхъ водахъ. 2) Отличительная особенность дѣйствующаго нынѣ въ Крыму оросительнаго порядка заключается въ отсутствіи за нимъ всякаго наблюденія со стороны русской власти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отсутствіи какихъ либо законодательныхъ опредѣленій, регулирующихъ, жизненный для этого края вопросъ объ орошеніи. Такъ называемый „обычный порядокъ“ подъ вліяніемъ времени и условій новой экономической жизни, почти исчезъ. Этотъ порядокъ впрочемъ никогда не заключалъ въ себѣ точныхъ опредѣленій (уголовныхъ или гражданскихъ) и могъ существовать только въ эпоху мусульманскаго владычества. 3) Возбужденный, болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ, вопросъ о необходимости выработки спеціальнаго закона о пользованіи оросительными водами въ Крыму, не получилъ донныѣ окончательнаго разрѣшенія, во-первыхъ потому, что никогда не было приведено въ извѣстность фактическое состояніе крымской ирригаціи и не былъ выясненъ дѣйствующій порядокъ, а во-вторыхъ потому, что основанія для выработки закона были установлено неправильно. 4) Предположеніе о томъ, что Крымъ, Закавказскій край и Туркестанъ находятся въ одинаковыхъ условіяхъ по отношенію къ оросительному хозяйству, а потому могутъ быть подведены подъ дѣйствіе однихъ и тѣхъ

Изъ дальнѣйшаго изложенія моего сообщенія, г. г. члены юрид. общ. увидятъ, что вопросъ о выработкѣ этого закона возникъ ужъ давно, что вопросъ этотъ, что называется, въ ходу болѣе 50 лѣтъ, что безуспѣшность этой выработки имѣетъ свои причины и оправданія и, что въ настоящее время Мин. Земл. особенно озабочено доведеніемъ до конца этого, и такъ слишкомъ затянувшася, дѣла.

Въ настоящую минуту могу сообщить только въ качествѣ исторической справки, что по сей день было выработано около десяти проектовъ закона или правилъ о пользованіи оросительными водами въ Крыму, а осенью прошлаго года выработанъ еще одинъ законопроектъ, находящійся на разсмотрѣніи министерства. Въ мою задачу однако не входитъ ни критиковать старые проекты, ни предлагать своего проекта, и я желалъ бы ограничиться указаніемъ тѣхъ главныхъ основаній, которымъ долженъ удовлетворить законъ объ оросительной водѣ для Крыма.

же постановленій закона, слѣдуетъ считать неправильнымъ. 5) Дѣйствующій нынѣ, въ Крыму, ирригаціонный порядокъ, хотя и не основанный на какомъ либо ясномъ и положительномъ законѣ, нужно считать установившимся. Совершающіеся, и нерѣдко остающіеся безнаказанными, разные беспорядки и насилія, въ ирригаціонномъ дѣлѣ не должны быть приписываемы *неустановленію* правъ на воду, какъ объ этомъ нерѣдко заявляется официально, а безнаказанность эта происходитъ единственно по неимѣнію въ краѣ какой либо власти, уполномоченной вѣдать ирригаціоннымъ дѣломъ. Не безправіе, а безвластіе составляетъ больное мѣсто Крымской ирригаціи, а потому какаѣ либо крутая ломка установившагося и много лѣтъ существующаго порядка, не можетъ быть допущена. 6) Всѣ оросительныя воды Крыма должны находиться въ непосредственномъ завѣдываніи государственной власти, но не для эксплуатаціи ихъ государствомъ, а въ цѣляхъ установленія надзора за порядкомъ пользованія и за экономнымъ распредѣленіемъ орошенія, въ интересахъ всего нуждающагося въ ирригаціи населенія. 7) Надзоръ долженъ быть административный, судебный и техническій и имѣетъ своею ближайшею задачею обезпечить:—во первыхъ спокойное пользованіе орошеніемъ, во вторыхъ—правильное разрѣшеніе возникающихъ споровъ и въ третьихъ—улучшеніе ирригаціонныхъ системъ. 8) Ни устанавливать, ни опредѣлять, ни, тѣмъ болѣе, закрѣплять за кѣмъ либо право на *опредѣленное* количество воды, законъ не долженъ и въ документахъ на воду, если выдача таковыхъ будетъ признана необходимой, должно быть лишь удостовѣрено право участія въ общемъ имуществѣ, но не право на полученіе опредѣленнаго количества воды. 9) Въ Крыму должны быть установлены легальные сервитуты по проведенію канавъ и устройству водохранилищъ на чужихъ земляхъ.

Такимъ образомъ, болѣе 50 лѣтъ, почти непрерывно, фигурируетъ вопросъ о необходимости, даже крайней необходимости, закона для Крыма, но закона всетаки нѣтъ, безпорядокъ въ оросительномъ дѣлѣ, судя по оффиціальнымъ даннымъ, все болѣе и болѣе увеличивается, и тѣмъ не менѣе, правительство все еще какъ бы окончательно не рѣшается вступить въ это дѣло и взять его въ свои руки.

Предполагая далѣе изложить тѣ общія начала, которыя, по моему мнѣнію, должны быть положены въ основу крымскаго закона о водѣ, я позволяю себѣ разсчитывать, что г. г. члены юрид. общ. окажутъ мнѣ свое содѣйствіе въ разъясненіи тѣхъ сомнѣній и недоразумѣній, которыя возникаютъ по этому вопросу не только у меня одного, но у всѣхъ имѣвшихъ отношеніе къ этому дѣлу.

Изъ содержанія моихъ тезисовъ видно: 1) что я обязываюсь доказать, что тотъ порядокъ въ орошеніи, который существуетъ, совершенно не годится (что, прочемъ, признаютъ всѣ, а нѣкоторые доходятъ до убѣжденія, что никакого порядка нѣтъ) и что настало наконецъ такое время, что дальнѣйшая невыработка закона о водѣ можетъ повлечь за собою серіозную экономическую неурядицу.

2) что, такъ называемый, „обычный порядокъ“, положенный въ основу нынѣ дѣйствующаго, всегда былъ несостоятельнымъ, а тѣмъ болѣе не соотвѣтствуетъ социальнымъ и экономическимъ условіямъ настоящей эпохи, и

3) что мусульманское право не даетъ никакого матеріала для выработки требуемаго закона и повсемѣстно установившійся относительно нормъ этого права взглядъ не имѣетъ достаточно основаній.

Затѣмъ, я обязываюсь пояснить, почему, не взирая на попытки, дляціяся почти 60 лѣтъ, выработать законъ для Крыма, всетаки этого закона нѣтъ.

Наконецъ, я обязываюсь болѣе подробно остановиться на тѣхъ особенностяхъ крымской ирригаціи, которыя вызываютъ требованіе особаго закона для Крыма, не похожаго, на законы для другихъ нашихъ ирригаціонныхъ окраинъ, и

привести тѣ главныя основанія, на которыхъ долженъ быть построенъ законъ.

Позволяю себѣ при этомъ добавить, что въ теченіе почти 25 лѣтъ я имѣлъ случай изучить ирригацію Кавказа и Туркестана, а съ орошеніемъ Крымскаго полуострова познакомился осенью прошлаго года, побывавъ почти во всѣхъ ирригаціонныхъ районахъ Таврической губерніи и, такимъ образомъ, у меня въ распоряженіи находится и достаточный матеріалъ для сравненія ирригаціонныхъ порядковъ этихъ странъ и почва для правильной оцѣнки тѣхъ требованій, которымъ долженъ удовлетворять законъ объ оросительной водѣ.

Я буду по возможности избѣгать ссылокъ на иностранныя водныя законодательства, потому что убѣжденъ, что законодательныя формы воднаго права Европы къ намъ вообще не подходятъ, такъ какъ наша ирригація азіатская, а не европейская и, уже въ силу однихъ техническихъ условій, останется неизмѣнно по существу своему азіатской, не смотря на европейскій характеръ ея управленія.

Въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи я буду говорить преимущественно объ юридической сторонѣ дѣла, обращаясь къ сторонѣ технической лишь въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда поясненія технического характера являются необходимыми или неизбѣжными.

Прежде, чѣмъ приступить къ поясненію моихъ тезисовъ, я въ нѣсколькихъ словахъ передамъ исторію выработки закона для Крыма.

Крымъ окончательно завоеванъ и присоединенъ къ Россіи 111 лѣтъ назадъ (1783 г.). Была ли какая-либо необходимость въ установленіи закона или правилъ объ орошеніи въ первое время послѣ завоеванія Крыма—объ этомъ никакихъ свѣдѣній нѣтъ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, надобность эта не чувствовалась и весь оросительный порядокъ былъ оставленъ тотъ же, какъ онъ былъ при ханахъ, да и едва ли могъ быть установленъ какой нибудь другой порядокъ, потому что къ управленію орошеніемъ мы въ то время совершенно не были

подготовлены. Но въ 1836 г., т. е. почти 60 лѣтъ назадъ, вопросъ о необходимости такого закона былъ уже возбужденъ, и чѣмъ болѣе мы приближаемся къ нашей эпохѣ, тѣмъ болѣе вопросъ этотъ выдвигается все болѣе и болѣе настоятельно. О законѣ просятъ администрація, просятъ отдѣльные лица, о немъ говоритъ печать и литература. Администрація даже проситъ особенно настойчиво, но въ результатѣ всѣхъ этихъ просьбъ оказывается только, что снаряжаются отдѣльные чиновники для изслѣдованій, устраиваются коммисіи, собираются свѣдѣнія, запрашиваются наши послы въ иностранныхъ государствахъ и т. д. Матеріалы для будущаго закона растутъ и громоздятся, проекты пишутся, но большею частью ($\frac{9}{10}$), не доходятъ до законодательной инстанціи, а подшиваются одинъ къ другому и оставляются безъ движенія. Закона все нѣтъ и, невзирая на настоятельную въ немъ нужду, невмѣшательство правительства продолжается.

Въ исторіи выработкѣ закона о водѣ для Крыма необходимо отмѣтить одну характерную черту. Насколько администрація края, начиная съ высшей, была проникнута сознаніемъ необходимости урегулированія въ Крыму воднаго вопроса и созданія какого либо закона, или, по крайней мѣрѣ, *правилъ* пользованія водою въ общемъ интересѣ всѣхъ крымскихъ хозяевъ, занимавшихся полевою культурою садовъ, огородовъ, виноградниковъ и проч., настолько сами землевладѣльцы, преимущественно крупные, поглощены были преслѣдованіемъ своихъ личныхъ интересовъ, и въ этомъ дѣлѣ проявляли или полное отсутствіе желанія поступиться своими, скорѣе предполагаемыми, нежели дѣйствительными правами, или относились безразлично къ вопросу о необходимости воднаго закона. Такое отношеніе крупныхъ землевладѣльцевъ къ закону о водѣ—удостоверено оффиціальными данными.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что при всѣхъ случаяхъ, когда возникалъ вопросъ о законѣ, всегда говорилось о необходимости замѣнить этимъ закономъ обычай, изъ чего вытекало, что обычай дѣйствовалъ, или по крайней мѣрѣ предполагалось, что онъ дѣйствовалъ.

Какъ относилось къ вопросу о выработкѣ закона о водѣ мусульманское населеніе, составляющее и нынѣ 89% жителей всего полуострова, и выражало ли оно желаніе имѣть такой законъ или противодѣйствовало установленію правилъ водопользованія—объ этомъ никакихъ свѣдѣній въ дѣлахъ не имѣется.

Не говоря про болѣе отдаленную эпоху, когда уже выражалось сомнѣніе въ достаточности, такъ называемаго, „обычнаго порядка“ въ пользованіи водой, вопросъ о замѣнѣ обычая закономъ возбуждался на Крымскомъ полуостровѣ периодически и, какъ сказано ранѣе, съ теченіемъ времени все чаще и чаще.

Въ 1859 г. таврической губернаторъ настоятельно требуетъ закона о водѣ, въ виду того, что обычай, на которомъ, какъ предполагалось въ официальныхъ сферахъ, держался весь порядокъ водопользованія, сдѣлался, какъ удостовѣрялъ губернаторъ, безсиленъ и являлась необходимость замѣнить этотъ терявшій значеніе обычай какою либо властью. Въ 1860 г. вырабатывается проектъ Янушевскаго, замѣчательный тѣмъ, что въ немъ совершенно ясно проводится идея государственнаго значенія проточныхъ водъ и требуется вмѣшательство властей въ водное дѣло, но въ томъ же году таврическое дворянство, съ замѣчательнымъ единодушіемъ, (164 голоса противъ 6) отвергаетъ проектъ Янушевскаго, главнымъ образомъ, потому, что землевладѣльцы суть полные собственники проточныхъ водъ и потому никакого правительственнаго вмѣшательства въ распоряженіе частной собственностью землевладѣльцевъ не можетъ быть допущено.

Достойно при этомъ замѣчанія, что спустя годъ послѣ того прибалтійскіе дворяне заявляютъ передъ правительствомъ о необходимости установленія воднаго порядка и ходатайствуютъ объ изданіи закона о водѣ, а почти одновременно съ тѣмъ дворяне таврическіе заявляютъ, что „не чувствуютъ въ достаточной степени потребности въ законѣ о водѣ“. Когда затѣмъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, правительство въ виду настояній администраціи требуетъ отъ таврическихъ земле-

владѣльцевъ составленія правилъ пользованія водами и назначаетъ для этого 6-ти мѣсячный срокъ, то дворяне приступаютъ къ рѣшенію этого вопроса лишь много времени спустя, а симферопольская управа даже проситъ объ отдаленіи срока, для составленія правилъ, на три года, предполагая, что въ этотъ срокъ выяснится „нужны ли самыя правила“.

Все это хотя достаточно характеризуетъ отношеніе прежнихъ крымскихъ землевладѣльцевъ къ закону о водѣ, но этаго еще мало. Выраженная такимъ образомъ еще въ 1860 г. мысль объ установленіи правительственнаго надзора за орошительными водами Крыма, не получила, въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ 10—12 лѣтъ, никакого осуществленія, и даже никакихъ правилъ такого надзора выработано не было и въ 1872 г. Новороссійскій генераль, губернаторъ Коцебу удивляется *легкости возрѣній*—съ которою таврическое дворянство отнеслось къ вопросу о правѣ на воду „и приписываетъ это „вліянію крупныхъ землевладѣльцевъ, стремившихся сохранить свои права“. Но послѣ того прошло еще много времени въ перепискѣ о необходимости закона, и несомнѣнно что необходимость этого закона постоянно и неизмѣнно признавалась, по крайней мѣрѣ администраціей. Такъ, на примѣръ, въ 1885 г. одесскій генераль-губернаторъ Роопъ настоятельно требуетъ закона о водѣ, высказывая, что замедленіе въ изданіи этого закона „грозитъ упадкомъ производительности“. Въ 1887 г. ген. Роопъ еще разъ проситъ ускорить введеніемъ закона о водѣ, а годомъ ранѣе симферопольскій съѣздъ „Россійскаго общества садоводства“ яркими красками описываетъ въ своемъ докладѣ самоволіе въ водномъ дѣлѣ, отсутствіе порядка и необходимость „какихъ бы то ни было правилъ“.

Изъ сказаннаго уже видно что, хотя „легкость возрѣній“ и сыграла видную роль въ той медленности, съ которою вырабатывался законъ о водѣ для Крыма, но всетаки, въ 1872 г., была наконецъ организована особая коммисія подъ предсѣдательствомъ Данилевскаго, которая и приступила наконецъ къ созданію закона, уже болѣе сорока лѣтъ считавшагося необходимымъ.

Какія же были причины неуспѣшности выработки закона о водѣ послѣ столь многократныхъ признаній его необходимости?

Изъ хода всего дѣла видно, 1) что введеніе воднаго закона противорѣчило интересамъ многихъ и особенно тѣхъ землевладѣльцевъ, которые занимали болѣе выгодныя (верхнія) мѣста по системамъ орошенія; 2) что одни изъ землевладѣльцевъ проявили явное стремленіе закрѣпить ими же созданный, но будто основанный на положительномъ законѣ порядокъ водопользованія, причемъ эти землевладѣльцы считали, что имъ принадлежать права полной собственности на проточныя воды, и даже предполагаемый надзоръ правительства за орошеніемъ они признавали и нынѣ продолжаютъ признавать ничѣмъ инымъ, какъ ограниченіемъ этихъ полныхъ правъ собственности, между тѣмъ какъ другіе землевладѣльцы не только не желаютъ, но боятся такого закрѣпленія правъ, надѣясь, что современемъ будетъ достигнуто болѣе справедливое распредѣленіе воды. И нужно сказать, что эта борьба интересовъ землевладѣльцевъ, болѣе или менѣе выгодно расположенныхъ по оросительнымъ системамъ, отозвалась на ходѣ всего дѣла, тѣмъ болѣе, что число обиженныхъ захватомъ воды верхними землевладѣльцами годъ отъ году увеличивалось и продолжаетъ увеличиваться; 3) что всѣ проекты о пользованіи водой въ Крыму стремились обобщить правила пользованія для всего Крымскаго полуострова, между тѣмъ ирригаціонныя уѣзды Крыма (Симферопольскій, Феодосійскій и Ялтинскій) находятся далеко не въ одинаковыхъ условіяхъ; 4) что всѣ проекты брали въ основу своихъ юридическихъ положеній существующія въ 10 томѣ наши узаконенія о правѣ собственности, между тѣмъ какъ законы эти, очевидно, не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу о пользованіи оросительной водой; 5) что всѣ проекты устанавливали преимущества въ правахъ пользованія водой, какъ бы считая недостаточнымъ тѣ естественныя преимущества, которыя обуславливаются самою мѣстностью и положеніемъ земель на оросительныхъ системахъ, и упуская изъ

виду, что правила о пользованіи водой должны дѣйствовать главнѣйшимъ образомъ въ мѣстностяхъ скудныхъ водой, и притомъ въ случаѣ недостатка воды когда, особенно, ни о какихъ преимуществахъ не можетъ быть рѣчи, причемъ, какъ изъ дѣла видно, проектируемыя преимущества иногда имѣли слишкомъ своеобразный оттѣнокъ (напр. предлагалось признать преимущество въ поливкѣ декоративныхъ растений); б) что всѣ проекты составлялись не только безъ достаточныхъ, но можно сказать рѣшительно безъ всякихъ данныхъ о фактическомъ состояніи ирригаціи.

Совокупностью этихъ и другихъ причинъ, о которыхъ сказано ниже, объясняется, что такое дѣло, какъ установленіе порядка въ водопользованіи, еще съ 1836 г. признаваемое дѣломъ „первостепенной важности“, предметомъ „величайшей важности“ и „чрезвычайною необходимостью“ (Всеподданнѣйшій отчетъ Таврическаго губернатора дѣло № 36 стр. 325), не успѣло донинѣ получить окончательнаго рѣшенія и, пожалуй, нынѣ находится еще далеко отъ этого осуществленія.

Справедливость требуетъ однако сказать, что само правительство, до извѣстной степени, замедляло окончательное рѣшеніе этого дѣла,—то вслѣдствіе того, что въ 1861 г. послѣдовало освобожденіе крестьянъ и „потому нужно было правила о пользованіи водою согласить съ Положеніемъ о крестьянахъ“, то не утверждая выработанныхъ отдѣльными земствами правилъ „въ виду общности вопроса для всего Крыма“, какъ это было на примѣръ съ ялтинскими правилами, составленными въ 1870 г., то наконецъ просто вслѣдствіе недостатка рѣшимости придти къ окончательному рѣшенію этого дѣла и создать, не добиваясь совершенства, хоть какой нибудь законъ о пользованіи орошеніемъ.

Если фактъ противодѣйствія таврическихъ землевладѣльцевъ признанію государственнаго значенія водъ и стремленіе многихъ изъ этихъ землевладѣльцевъ закрѣпить за собою существующій, и для нихъ выгодный, порядокъ преимущественныхъ правъ въ пользованіи водою подтверждается официаль-

ными данными, то нельзя не отмѣтить, что стремленіе обобщить водныя правила для всего Крыма проявляется со стороны уже не правительственной, а земской власти, отъ которой тѣмъ менѣе можно было ожидать этого, что этой власти должны были быть близко извѣстны разныя условія разныхъ мѣстностей и невозможность такого обобщенія. Такъ, напримѣръ, въ 1871 г. Симферопольскіе землевладѣльцы въ засѣданіи уѣзднаго земскаго собранія рѣшили большинствомъ (13 напротивъ 4), что выработанныя для Симферопольскаго уѣзда правила примѣнимы ко всѣмъ мѣстностямъ Крыма.

Вотъ главныя причины замедленія въ выработкѣ закона о водѣ для Крыма. Но спрашивается, какой порядокъ управленія орошеніемъ существуетъ въ Крыму въ настоящее время?

Всѣмъ извѣстно, что цѣнность крымскихъ земель находится въ зависимости отъ ирригаціи и что самыя драгоцѣнныя культуры Крыма—культуры поливныя, т. е. сады, виноградники, табаки и огороды. Поливныхъ пахатныхъ земель въ Крыму вовсе нѣтъ, а неполивныхъ табаковъ и виноградниковъ менѣе, чѣмъ поливныхъ.

Всѣмъ извѣстно также, что въ Крыму совсѣмъ нѣтъ не только судоходныхъ, но и вообще большихъ рѣкъ, что климатъ отличается значительнымъ лѣтнимъ зноемъ и что въ теченіе лѣта повсюду чувствуется недостатокъ воды и не только для орошенія, но иногда и для домашнихъ надобностей.

Наконецъ, всѣмъ извѣстно также, что въ Крыму много столѣтій господствовало мусульманское правленіе, что прежде тамъ было сплошное магометанское населеніе значительно сократившееся послѣ двукратнаго выселенія въ Турцію (въ крымскую и Восточную войны) и, на мѣсто выселившихся мусульманъ, появились русскія, болгарскія, чешскія и др. поселенія.

До покоренія Крыма при управленіи турецкой администраціи, тамъ, само собой, дѣйствовали въ ирригаціонномъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, турецкіе порядки и, такъ какъ послѣ этого покоренія орошеніе продолжало и продолжаетъ играть ту же, если не большую роль въ экономичес-

кой жизни края, въ виду развитія культуры, то самъ собою возникаетъ вопросъ, на какихъ основаніяхъ построено тамъ въ настоящее время управленіе ирригаціей, принявъ во вниманіе тотъ несомнѣнный фактъ, что прежніе, чисто мусульманскіе порядки сами собою утратили свою силу, а на мѣсто ихъ не было издано никакого закона.

Отвѣчая на послѣдній вопросъ, я долженъ сказать, что никакихъ законовъ, правилъ или положеній объ управленіи мѣстной ирригаціей не существуетъ, никто этимъ дѣломъ не вѣдаетъ, никакого спеціальнаго управленія орошеніемъ нѣтъ и все идетъ, такъ сказать, само собою. Администрація, какъ и вездѣ, озабочена предупрежденіемъ и пресѣченіемъ преступленій, имѣющихъ источникомъ орошеніе, земство ничѣмъ не озабочено, хотя должно бы быть озабочено больше всѣхъ благоустройствомъ такого дѣла, отъ котораго всецѣло зависитъ благосостояніе страны и населенія. За неимѣніемъ закона и судъ не имѣетъ никакихъ руководящихъ началъ для рѣшенія дѣлъ объ оросительной водѣ, исключая нѣсколькихъ рѣшеній сената, и, однимъ словомъ, никакой опредѣленной организаціи въ оросительномъ дѣлѣ не существуетъ. Закона нѣтъ, а что такое обычай, пока замѣняющій законъ, объ этомъ будетъ говорено впослѣдствіи.

Сто лѣтъ назадъ, когда Крымъ былъ только что покоренъ, тогда несомнѣнно существовало управленіе орошеніемъ. Это управленіе было сосредоточено въ рукахъ хановъ и мусульманскихъ судей, примѣнявшихъ и толковавшихъ коранъ а также примѣнявшихъ обычаи, знавшихъ эти обычаи и, главное, имѣвшихъ власть настаивать на ихъ исполненіи, но съ упраздненіемъ ханскаго режима такое управленіе само собою скоро утратилось, потому что преемники ханскихъ правъ, т. е. представители русской власти, во первыхъ, не знали ни корана, ни обычая, а во вторыхъ, не могли дѣйствовать по хански, т. е. не могли поддерживать порядка ханскими способами.

Если не могъ дѣйствовать писанный мусульманскій законъ, то еще менѣе могъ управлять орошеніемъ обычай. Онъ былъ еще болѣе безсиленъ, онъ еще менѣе соотвѣтствовалъ новымъ эконо-

номическимъ условіямъ уже только потому, что развитіе земледѣльческихъ культуръ прогрессировало гораздо быстрые, чѣмъ увеличивались запасы воды, а объ увеличеніи этихъ запасовъ была призвана заботиться только *обычная* техника и никто болѣе. Обычай былъ также совершенно безсиленъ бороться противъ главнаго зла, именно противъ того, чтобы верхніе владѣльцы не отнимали воду у нижнихъ, такъ какъ *взамѣнъ* обычая, свято соблюдавшаго это правило, никакого распоряженія, воспреещающаго верхнимъ владѣльцамъ расширять свои культуры за счетъ воды, принадлежащей нижнимъ владѣльцамъ, не было издано, а прежде все держалось только на *обычаѣ*, котораго не желали исполнять именно крупные землевладѣльцы. Словомъ говоря, если, послѣ перехода бывшей у хановъ власти, въ руки русскаго правительства, обычай игралъ какую либо роль, то только тамъ, гдѣ его добровольно признавали. Болѣе замѣтно обычай соблюдался только въ чисто мусульманскихъ общинахъ, но и тамъ, по удостовѣреніямъ свѣдущихъ лицъ, онъ сталъ скоро нарушаться за неимѣніемъ власти, которая была бы уполномочена наблюдать за его исполненіемъ.

Благодаря совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ приходится, относительно нынѣ дѣйствующаго въ ирригаціонномъ хозяйствѣ порядка, сдѣлать слѣдующее заключеніе: порядокъ этотъ *вполнѣ* отсутствуетъ, а то что есть, т. е. та неопредѣленность, произволъ и безначаліе настолько не удовлетворяетъ большинства населенія, не разрѣшая ни вопроса о правахъ на воду, ни вопроса о правахъ пользованія и не ограждая установившагося пользованія отъ всякаго рода произвольныхъ нарушеній, что дальнѣйшее невмѣшательство правительства не можетъ продолжаться и законъ долженъ быть изданъ.

Теперь возникаетъ вопросъ—можетъ ли крымскій законъ о водѣ быть построенъ на началахъ такъ называемаго мусульманскаго права, такъ какъ повидимому, никакихъ иныхъ началъ для выработки этого закона не существуетъ?

Можетъ быть это покажется смѣло, но я рѣшаюсь кате-

горически утверждать, что строить что либо на началах мусульманскаго права было бы совершенно бесплодною попыткой, что такъ называемое мусульманское право, до такой степени шатко и не разработано и такъ мало доступно пониманію образованнаго человѣка, что, если можно такъ выразиться, оно едва ли имѣеть даже право на названіе права и конечно не можетъ идти ни въ какое сравненіе не только съ какимъ либо классическимъ правомъ, напр. римскимъ, но даже не можетъ быть сравниваемо напрімѣръ съ правомъ индійскимъ, египетскимъ и т. п.

Лучшимъ доказательствомъ безуспѣшности попытокъ строить что либо на началахъ мусульманскаго права служить нашъ Кавказъ, гдѣ истинныя мусульманскія начала и до нашихъ дней сохранились гораздо болѣе чѣмъ въ Крыму и гдѣ, тѣмъ не менѣе совершенно или почти не удалось провести въ законъ эти начала.

Изъ историческаго хода мусульманскихъ законовъ на Кавказѣ видно, что гуманное русское правительство, завоевавъ страну съ преобладающимъ мусульманскимъ населеніемъ, всегда было проникнуто тенденціей отнюдь не ломать существующаго порядка, а предоставить покореннымъ народамъ жить по ихъ прежнимъ законамъ, доколѣ это оказывалось возможнымъ по политическимъ соображеніямъ. Такъ было на Кавказѣ, такъ было въ Крыму и въ Туркестанѣ.

Еще при императорѣ Александрѣ I, въ постановленіи о внутреннемъ управленіи Грузіи (12 сентября 1801 г.), было сказано, что дѣла гражданскія должны быть производимы „по настоящимъ грузинскимъ обычаямъ, кои надлежитъ привести въ извѣстность“, въ случаѣ же недостатка руководствоваться законами Россійской Имперіи, „уголовныя же дѣла“, говорится далѣе въ томъ постановленіи, „должны производиться по общимъ законамъ Россійской Имперіи“.

Однако уже первые управители Грузіи, ознакомившись съ обычаями, искренно считали, что дарованіемъ прежнихъ порядковъ, не дано, собственно говоря, никакого порядка, и уже въ 1813 г. генераль Ртищевъ издаетъ распоряженіе о

томъ, что стороны, недовольныя рѣшеніемъ по обычаю, должны обращаться къ губернатору „рѣшеніе коего, говорится въ приказѣ ген. Ртищева, должно быть исполнено“, такъ какъ, „конечно, правой сторонѣ рѣшительная справедливость окажется“.

Благодаря такимъ взглядамъ высшей власти края на значеніе и примѣнимость обычаевъ, а можетъ быть и вслѣдствіе другихъ причинъ, обычаи быстро начинаютъ исчезать на Кавказѣ и въ 1830 г. сенаторы Кутайсовъ и Мечниковъ, ревизовавшіе управленія на Кавказѣ, удостовѣрили полный произволь администраціи, самовластіе приставовъ и комендантовъ, „правившихъ, какъ удостовѣряютъ сенаторы, на ханскихъ началахъ“ причемъ члены судовъ, говорится въ ревизіи, „заранѣе къ чистымъ листамъ прикладываютъ свои печати“.

Управлявшій Кавказскимъ краемъ фельдмаршалъ Паскевичъ также отрицалъ обычаи и стоялъ также за общіе законы и общіе гражданскіе суды и на всѣ возраженія противъ ихъ примѣнимости отвѣчалъ: „доколѣ Закавказье останется при своихъ старыхъ обычаяхъ, дотолѣ всѣ средства образованія мало принесутъ пользы“. Надлежитъ, говорилъ онъ, „приблизить народъ къ общему духу россійскаго управленія“. Паскевичъ при этомъ не отрицалъ, что общему духу россійскаго управленія присуща, прежде всего медленность, но за то эта медленность, по его мнѣнію, была соединена съ правосудіемъ и, притомъ, источникъ медленности—недостатокъ личныхъ средствъ, могъ быть, по его мнѣнію, устраненъ.

Мнѣніе Паскевича одно время раздѣлялось въ Петербургѣ и комиссія 1837 года, состоявшая изъ членовъ отъ разныхъ министерствъ, подъ предсѣдательствомъ Гана, высказалась рѣшительно, что на Кавказѣ нужно ввести русскій законъ „ибо никакихъ мусульманскихъ законовъ нѣтъ и нѣтъ слѣдовъ существованія тамъ когда либо правильнаго законодательства“.

Коммисія Гана, между прочимъ, полагала: 1) прежде всего повсемѣстно устроить третейскіе суды, 2) гдѣ рѣшенія должны быть основаны не на актахъ, а на совѣсти, тамъ предоставить рѣшеніе дѣль суду духовному, 3) при формальномъ судопроизводствѣ прилагать безусловно русскій законъ.

Однако давленіе мѣстныхъ сильныхъ людей на Кавказѣ, для которыхъ обычный порядокъ представлялъ извѣстныя выгоды, взяло свое, не смотря на принятое уже мнѣніе Паскевича. Въ 1840 г. императоръ Николай I приказалъ намѣстнику Головину „привести въ извѣстность и собрать всѣ мѣстные обычаи по гражданскимъ дѣламъ“, и хотя къ исполненію этого повелѣнія были принимаемы надлежащія мѣры, но окончательно оно выполнено не было и только въ предѣлахъ Грузіи, до 1859 г. примѣнялись законы царя Вахтанга, которые были облечены въ письменную форму и переведены на русскій языкъ.

Дальнѣйшій ходъ дѣла по примѣненію мусульманскихъ законовъ на Кавказѣ былъ слѣдующій. Попытка привести въ исполненіе повелѣніе императора Николая, какъ уже сказано, была сдѣлана и къ собиранію обычаевъ приступлено, но дѣло не было доведено до конца. Чиновникъ Легкобытовъ, которому было поручено исполненіе этого дѣла обнаружилъ, послѣ значительныхъ объѣздовъ по краю, что на Кавказѣ существуетъ три рода мѣстностей относительно степени соблюденія обычныхъ порядковъ. Во первыхъ мѣстности, гдѣ начальники совершенно игнорируютъ обычаи, во вторыхъ мѣстности, гдѣ обычаи дѣйствуютъ, т. е. признаются народомъ и начальствомъ и рѣшенія по обычаю дѣйствительно приводятся въ исполненіе, и въ третьихъ мѣстности гдѣ обычаи среди народа дѣйствуютъ, но русскія власти отмѣняютъ рѣшенія по обычаю, не допуская ихъ исполненія.

Не смотря на то что результатъ всѣхъ розысковъ, произведенныхъ чиновникомъ Легкобытовымъ, относительно дѣйствія обычныхъ порядковъ сводился къ тому, что обычаи почти нигдѣ не исполняются, мысль объ изданіи кодекса мусульманскихъ законовъ все еще не покидается на Кавказѣ. Извѣстный писатель по вопросамъ мусульманскаго права и знатокъ этого права баронъ Торнау, не смотря на убѣжденіе высшихъ чиновъ кавказской администраціи въ ненужности поддерживать мусульманскіе порядки все таки настаиваетъ на выработкѣ мусульманскаго кодекса, для чего предлагаетъ

собрать ученыхъ мусульманскихъ муллъ и имъ поручить это дѣло, но мѣра эта признается не политической и мысль о составленіи мусульманскаго кодекса оставляется, повидимому, на всегда. Но вмѣсто кодекса, извѣстный Блудовъ предлагаетъ издать наиболѣе распространенные коментаріи къ корану, напечатавъ ихъ оффиціально и переведа на русскій языкъ. „Этимъ, говоритъ Блудовъ, мы покажемъ наше уваженіе къ мусульманамъ“, но намѣстникъ Воронцовъ былъ и противъ напечатанія этихъ коментарій и потому это печатаніе также не состоялось.

Всѣ долгіе разговоры объ изданіи мусульманскихъ законовъ кончаются однако тѣмъ, что по закону 3 іюля 1854 г. закавказскимъ мусульманамъ предоставляется право руководствоваться шаріатомъ только по дѣламъ семейнымъ и наследственнымъ, а въ 1859 году издается переводъ книги Шераять-оль-исламъ, о залогахъ и торговлѣ, причемъ, само собою разумѣется, мусульманскій законъ не примѣняется ни въ какихъ случаяхъ къ христіанскимъ народностямъ, обитающимъ на Кавказѣ.

Вотъ все, что оффиціально допущено къ руководству на Кавказѣ изъ всего того, что предполагается входящимъ въ область такъ называемаго мусульманскаго права, включая сюда же и громадное количество шаріатскихъ толкованій на коранъ.

Что касается собственно водныхъ положеній мусульманскаго закона, то необходимо пояснить, что вліяніе мусульманскаго писанаго права и неписанаго изустнаго обычая, выразилось въ нашемъ сводѣ законовъ, относительно Кавказа, въ единственномъ узаконеніи, изложенномъ во второмъ примѣчаніи къ ст. 442 т. X ч. 1, на основаніи какового примѣчанія устройство, содержаніе и употребленіе поливныхъ каналовъ на Кавказѣ, опредѣляется дѣйствующими тамъ мѣстными обычаями и, затѣмъ, какихъ либо другихъ законоположеній, касающихся оросительной воды, никогда издаваемо не было ни относительно Кавказа, ни относительно Крыма.

Относительно водныхъ постановленій нашего законода-

78035

тельства, касающихся собственно Крыма, нужно лишь упомянуть, что существуетъ одно рѣшеніе гр. касс. деп. (1879 г. № 243), на основаніи коего обычные порядки въ водопользованіи признаются обязательными въ Крыму и мѣстнымъ судамъ поставляется въ обязанность, при постановкѣ рѣшеній, по спорамъ, возникающимъ изъ пользованія водой принимать въ соображеніе эти обычные порядки, причемъ сенатъ высказываетъ, что за отсутствіемъ въ законѣ правилъ о порядкѣ пользованія водой, проведенною для орошенія, вытекающія отсюда отношенія должны быть приурочены къ праву участія частнаго. Другое положеніе, высказанное кассационнымъ сенатомъ въ томъ же рѣшеніи таково: „существованіе искусственнаго орошенія устанавливаетъ юридическія отношенія, порождающія права и обязанности“, откуда прямой выводъ, что за неимѣніемъ никакихъ положительныхъ законовъ объ оросительной водѣ, эти юридическія отношенія, порождающія права и обязанности, должны исходить изъ *обычая*, какъ единственнаго регулятора воднаго дѣла въ Крыму. Если затѣмъ дѣйствительно признать, что въ крымской ирригаціи, согласно существующаго предположенія, все еще продолжаетъ дѣйствовать обычное право и что дѣйствию этого права подлежатъ или должны подлежать всѣ отрасли оросительнаго хозяйства, т. е. техника, администрація, вопросы уголовные и гражданскіе и, что все это должно руководиться ничѣмъ инымъ какъ обычаемъ, то приведенное рѣшеніе сената не вызывало бы никакихъ сомнѣній и недоразумѣній, а напротивъ способствовало бы установленію твердой почвы для судовъ, преподавъ имъ къ руководству обычай, но такъ какъ въ дѣйствительности, не существуетъ ни обычной техники, ни надзора за этой техникой, не существуетъ никакихъ положеній, уголовныхъ или гражданскихъ для рѣшеній по обычаю возникающихъ споровъ и столкновеній, то и выходитъ, что всѣ права и обязанности, вытекающія изъ существованія искусственнаго орошенія, остаются неопредѣленными и никому неизвѣстными, и потому положеніе суда, призваннаго рѣшать всякаго рода вопросы, вытекающіе изъ факта существованія искусственнаго

орошенія, не смотря на приведенное рѣшеніе, остается безвыходнымъ, а практическое выполненіе этого рѣшенія сводится къ тому, что судъ обладаетъ единственнымъ средствомъ узнавать существующіе обычаи—это допросъ экспертовъ или свѣдущихъ людей, или спросъ свидѣтелей, незаинтересованныхъ въ поддержаніи существованія какого нибудь обычая, но такихъ экспертовъ, свѣдущихъ людей и свидѣтелей, которые являются также ничѣмъ инымъ какъ экспертами, совсѣмъ нѣтъ и положеніе суда бываетъ нерѣдко въ высшей степени странно и пожалуй даже фальшиво уже потому только, что выяснять несуществующее, неопредѣленное, и по меньшей мѣрѣ сомнительное всегда трудно.

Вообще говоря, если послѣ столькихъ попытокъ на Кавказѣ не было найдено достойныхъ примѣненія мусульманскихъ законовъ или обычаевъ, то еще труднѣе было найти ихъ въ Крыму. И въ самомъ дѣлѣ лица, имѣвшія случай соприкасаться съ практическими попытками примѣненія въ Крыму какихъ либо обычныхъ порядковъ относительно пользованія водой, могутъ удостовѣрить, что въ этой области, при самомъ большомъ желаніи, нельзя найти никакихъ опредѣленныхъ положеній, а есть, какъ и вездѣ, гдѣ старались хоть сколько нибудь эксплуатировать пресловутое мусульманское право, одни „благочестивыя пожеланія“, совершенно разбивающіяся о требованія практической жизни, хотя источникомъ этихъ благочестивыхъ пожеланій служитъ коранъ, завѣты котораго имѣютъ обязательную силу для мусульманъ.

Если наприимѣръ взять такое положеніе, извлеченное изъ корана: „всѣ люди товарищи относительно воды, огня, травы и лѣса“, то, въ практическомъ своемъ приложеніи это изреченіе можетъ имѣть не большее значеніе чѣмъ напр. евангельское изреченіе „любите другъ друга“ или „всѣ люди братья“ и т. п., такъ какъ и трава, и лѣсъ, и вода повсемѣстно составляютъ объекты частной собственности и являются предметомъ пользованія опредѣленныхъ лицъ и опредѣленныхъ вѣдомствъ, а потому искать въ мусульманскихъ положеніяхъ

какихъ либо основныхъ принциповъ для будущаго крымскаго закона о водѣ представляется совершенно безцѣльнымъ.

Изъ многочисленныхъ мусульманскихъ книгъ, составляющихъ, какъ извѣстно, большею частью коментаріи на коранъ, мнѣ извѣстны только двѣ, въ которыхъ можно найти нѣсколько общихъ положеній относительно правъ на воду вообще, а въ томъ числѣ и на оросительную. Эти книги: Хидая и Алямъ—Гирей. Хидая, заключающая въ себѣ 118 книгъ и трактующая подробно о торговлѣ, брачномъ правѣ, гражданскомъ правѣ, о правахъ семейственныхъ и проч. посвящаетъ вопросу о водѣ всего одну главу, о которой я скажу нѣсколько словъ позже. Алямъ—Гирей также не заключаетъ въ себѣ никакихъ положительныхъ постановленій о правахъ на воду, собственно оросительную, и затѣмъ въ обѣихъ этихъ книгахъ можно лишь найти подтвержденіе принципа общности интересовъ всѣхъ лицъ, пользующихся водою изъ одного общаго источника и настойчивыя указанія на безграничное право каждаго брать воду для питья и омовеній изъ всякаго рода водовмѣстилищъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ.

Гораздо менѣе чѣмъ въ этихъ двухъ книгахъ можно найти положительныхъ опредѣленій въ самомъ коранѣ. Коранъ, думаютъ мусульмане „есть дѣйствительное твореніе божіе, тщательно сохраняемое на небѣ“. Это, по мнѣнію правовѣрныхъ „лучшее слово изъ всѣхъ бывшихъ, которому удивляются геніи“, „коранъ все предвидѣлъ и все предусмотрѣлъ“ и т. д.

Такъ думаютъ мусульмане; въ дѣйствительности же въ коранѣ, относительно пользованія водою ничего не предвидѣно и ничего не предусмотрѣно. Все что тамъ предвидѣно и предусмотрѣно воды не касается и сводится въ сущности къ очень немногимъ пунктамъ, все прочее неточно, неясно и отсюда то получилось такое широкое поле для всякаго рода толкованій и особенно толкованій шаріатскихъ. Совершенно ясно выражена въ коранѣ напр. идея вознагражденія за богоугодные поступки земными блаженствами въ небесной обстановкѣ, также ясно выражено обѣщаніе избавленія „отъ палящаго зноя и отрады въ прохладной зелени, среди не старѣю-

щихъ женщинъ“. Все это высказано весьма опредѣленно и доступно пониманію каждаго правовѣрнаго, но искать въ коранѣ какихъ либо твердыхъ законодательныхъ положеній напр. объ оросительной водѣ, было бы совершенно напрасно. Ихъ также нѣтъ и въ шаріатѣ; по крайней мѣрѣ добиться этихъ толкованій отъ мусульманскаго духовенства, сколько мнѣ извѣстно, еще никто не успѣлъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго я приведу нѣсколько разсужденій изъ книги Хидая.

Только въ самое недавнее время появилась въ печати эта книга, составляющая обширный комментарий къ мусульманскому праву, изложенному въ коранѣ. Переводъ этой книги сдѣланъ подъ редакціей Н. И. Гродекова съ англійскаго языка. Эта такъ называемая сокращенная Хидая—представляетъ четыре большихъ тома (полная Хидая состоитъ изъ 118 книгъ)—впервые даетъ русскому читателю полную картину мусульманскаго религіознаго и гражданскаго строя. Необходимо, однако, прежде всего замѣтить, что насколько полны эти комментарии по отношенію ко всѣмъ гражданскимъ институтамъ и разнымъ видамъ правъ (торговое, гражданское, брачное, семейственное, обычное), настолько они бѣдны относительно права и процесса уголовнаго. Особенная же бѣдность этихъ комментарий ощущается относительно воднаго права.

Прежде всего въ ней имѣется нѣсколько, но правда очень немного, такъ сказать, правовыхъ опредѣленій на воду. По мнѣнію Хидая, вода вообще есть что называется *res nullius*—общее достояніе людей, и только вода, заключенная во вмѣстностяхъ, произведенныхъ трудомъ человѣка (колодцы, оросительныя каналы, сосуды и т. п.), дѣлается частною собственностью и становится объектомъ гражданскихъ сдѣлокъ. Однако принадлежность кому либо канала или колодца не даетъ владѣльцу права воспрепятствовать пользованію водою для питья, или какъ говоритъ Хидая „возбранять уста“. Затѣмъ, по мнѣнію Хидая, такими водами, какъ воды морей, могутъ пользоваться всѣ, какъ всѣ пользуются солнцемъ, луною, воз-

духомъ. Къ слѣдующему, послѣ морей, разряду водъ относятся воды „великихъ рѣкъ“ — Сихунъ, Джайхунъ (Сыръ и Аму-Дарья), Тигръ, Ефратъ. Эти воды могутъ быть употребляемы для орошенія только „мертвыхъ“ (т. е. никому не принадлежащихъ) земель или впуска въ какой нибудь каналъ, не находящійся ни въ чьемъ владѣннн (заброшенный, оставленный, пересохшій). Вообще же *основное правило* для пользованія водами съ цѣлью орошенія такое: никто не долженъ выводомъ канавъ приносить кому либо вредъ (напр. выпускать воду на низменности, гдѣ могутъ быть затопленія или разрушенія загражденій). Наконецъ, къ послѣднему разряду относятся воды, находящіяся во владѣльческихъ участкахъ. Для личнаго употребленія воды эти должны быть также всегда открыты для всѣхъ, какъ и всякія другія воды, ибо, какъ говоритъ Хидая, „люди товарищи въ трехъ вещахъ—водѣ, огнѣ и травѣ“ и „возбраняеть уста“ никто не имѣеть права уже только потому, что „люди не могутъ добывать себѣ воды въ любомъ мѣстѣ“. Что касается до права постороннихъ лицъ пользоваться водой изъ владѣльческихъ участковъ не для личнаго употребленія (питья или мытья), а для орошенія, то Хидая говоритъ такъ: *Если кто либо захотѣлъ взять воду для орошенія своей земли, то хозяева оросительнаго канала могутъ не дозволить этого, не смотря на то, будетъ ли отпущекъ сопровождатьсь вредомъ для нихъ или нѣтъ.* Хозяева канала, разсуждаетъ эта книга, имѣють на него право собственности и никакія соображенія не могутъ ихъ поставить въ необходимость удовлетворить требованія посторонняго лица; они всегда имѣють право отказать ему въ водѣ для орошенія и если бы допустить законность подобныхъ требованій, то сами владѣльцы канала были бы лишены пользованія своимъ правомъ употребленія воды для орошенія.

Поэтому не дозволяется, кому бы то ни было, орошать свою землю, или финиковую плантацію, или деревья изъ оросительнаго канала, или изъ колодца, или изъ подземнаго канала, принадлежащихъ другому лицу, безъ яснаго дозволенія владѣльца. Основаніе этого постановленія, по мнѣнію

Хидая, заключается въ томъ, что то *товарищество* въ пользованіи водою, о которомъ сказано выше, совершенно прекращается съ тѣхъ поръ, какъ вода поступаетъ въ раздѣль. *Если бы вода въ каналахъ была оставлена во всеобщее пользованіе для орошенія*, повторяетъ настойчиво Хидая, то *престѣклось бы преимущественное право владѣльца ея на пользованіе ею для себя*. А такъ какъ вода безусловно *принадлежитъ* владѣльцу, то потому, продолжаетъ Хидая, и мѣсто, по которому *протекаетъ вода, также принадлежитъ владѣльцу оросительнаго канала и ему же принадлежитъ право на берега канала, и безъ его согласія невозможно ни пускать воду по другому каналу, ни раскапывать берега его*.

Однако, полагаетъ далѣе Хидая,—если кто либо пожелаетъ орошать только деревья или огородъ въ своемъ дворѣ и не иначе, какъ посредствомъ лейки, то ему дозволяется брать воду для того изъ чужаго канала. „Это мнѣніе есть, говоритъ Хидая—наилучшее, ибо хорошіе люди этому виду пользованія водой не придаютъ большаго значенія и запрещеніе брать воду для указанной надобности причисляютъ къ подлости и, такимъ образомъ, хотя *закона, разрѣшающаго брать чужую воду для поливки деревьевъ, какъ бы не существуетъ, но это поощряется, какъ нравственное правило*“. Для совершенія же омовенія не должно быть, по ученію мусульманскихъ авторитетовъ, никакихъ препятствій. Хидая прямо говоритъ: *Люди имѣютъ право брать воду изъ оросительныхъ каналовъ для религіозныхъ омовеній (намазъ), а также для мытья одежды, и добавляетъ, что „такое мнѣніе болѣе справедливо, чѣмъ то, по которому дозволяется совершать религіозныя омовенія и мыть одежду только въ самомъ оросительномъ каналѣ, не унося изъ него воды, потому что правило относительно совершенія омовеній и мытья одежды только въ самомъ каналѣ привело бы, какъ говорятъ нѣкоторые мусульманскіе ученые, къ затрудненіямъ, которыя подлежатъ устраненію*“.

Этими, немногими, постановленіями исчерпываются всѣ разсужденія Хидая относительно права постороннихъ лицъ пользоваться чужой водою для орошенія своихъ огородовъ и

поливки дворовъ (объ орошеніи полей нѣтъ и рѣчи) и затѣмъ книга эта посвящена преимущественно вопросу о пользованіи водой для личнаго употребленія и, какъ это видно изъ предъидущаго, придерживается на этотъ предметъ тѣхъ взглядовъ, которые свойственны странамъ безводнымъ или маловоднымъ, по преимуществу, а именно—проводится мысль о свободномъ правѣ каждаго вездѣ брать нужную ему для личнаго употребленія воду. Постановленія эти таковы: вода, собранная въ сосуды, становится собственностью того, кто собралъ ее, именно по причинѣ труда собиранія. *Право другихъ лицъ на такую воду уничтожается, какъ на пойманную дичь*, но право пользованія этой водою для личнаго потребленія, т. е. для питья и мытья другимъ лицамъ предоставляется лишь въ предѣлахъ даннаго хозяиномъ воды разрѣшенія. Если же, говоритъ Хидая, въ мѣстности, гдѣ воды совершенно недостаточно, кто либо украдетъ воду на сумму менѣе одного нисаба ¹⁾ то такое воровство, какъ вынужденное, въ вину не вмѣняется и вору руки не отрѣзаются. Взятіе изъ какого либо сооруженнаго руками человѣка водохранилища воды для питья и мытья, не дозволяется только въ одномъ случаѣ, а именно: *если существуетъ колодезь, источникъ или оросительный каналъ въ чьемъ нибудь владѣніи, то владѣльцу предоставляется право воспрещать желающему пользоваться водою входъ во владѣніе его, въ томъ случаѣ, если вблизи этой находится другая вода, не состоящая ни въ чьемъ владѣніи*; если же такой воды не находится, то нуждающійся въ водѣ долженъ сказать хозяину оросительнаго канала: дай мнѣ самъ воды для моего личнаго потребленія, или же: допусти меня взять воду съ тѣмъ условіемъ, чтобы не разрушать береговъ твоего оросительнаго канала и хозяинъ долженъ просьбу эту исполнить. Это постановленіе по мнѣнію Хидая одобрено знаменитыми муджетегидами именно въ томъ смыслѣ, что,

---

¹⁾ Нисабомъ называется имущество, подлежащее оплатѣ зякетомъ, (торговые сборы) въ уголовныхъ же дѣлахъ—похищенное имущество на сумму не свыше 10 тенегъ (2 рубля).

когда оросительный канал выкопанъ въ собственномъ владѣніи кого либо, то слѣдуетъ поступать такъ какъ сказано, т. е. просить разрѣшенія; но если каналъ выкопанъ въ мертвой землѣ, то право воспрещать пользованіе водою изъ него, для личнаго потребленія, владѣльцу канала не предоставляется никогда, потому что, говоритъ Хидая, „мертвая“ земля есть земля товарищеская, и копаніе на ней колодцевъ и водовмѣстилищъ съ цѣлью оживленія, есть также право товарищеское, поэтому и по отношенію къ пользованію водой это *товарищеское право никогда не прекращается*. Къ этимъ разсужденіямъ Хидая добавляетъ, что, если кому либо запрещается пользованіе водой для личнаго потребленія въ то время, когда его одолѣваетъ жажда до такой степени, что возникаетъ опасеніе за жизнь, то ему дозволяется бить воспрещающаго брать воду оружіемъ, ибо, въ этомъ случаѣ, лишеніе права пользованія водой для личнаго потребленія равнозначуще намѣренію погубить жаждущаго. Вообще Хидая придерживается того взгляда, что *вода въ колодцахъ есть свободная* и не составляетъ чьей либо собственности, въ противоположность водѣ, собранной въ сосуды. По отношенію къ послѣдней, въ случаѣ спора, не дозволяется бить оружіемъ, потому что вода эта составляетъ личную собственность, подобно тому, какъ это не дозволяется для полученія пищи, въ случаѣ наступленія голода, т. е. пищу не разрѣшается отнимать ни у кого и никогда. Впрочемъ, добавляетъ Хидая, относительно колодцевъ существуетъ другое мнѣніе, по которому предпочитается, чтобы въ случаѣ спора *не употребляютъ никакого оружія, кромѣ палки, потому что не дающій воды совершаетъ только проступокъ* и удары палки при этомъ являются равнозначущими тагзиру, т. е. ударамъ плетью райса отъ 3 до 39 разъ ¹⁾.

---

¹⁾ Райсъ, или казы-калянъ, или хранитель вѣры, было уполномоченное ханомъ лицо, всегда и вездѣ возстановлять нарушенный порядокъ, не стѣсняясь никакими формальностями. Средствомъ для возстановленія порядка обыкновенно являлась особая, по правиламъ корана, устроенная плеть (дора), удары которой отсчитывались на мѣстѣ преступленія.

Пользованіе водою для личнаго потребленія, по мнѣнію муджетегидовъ, не воспрещается между прочимъ и въ томъ случаѣ „когда одновременно приходятъ къ водѣ, въ большомъ числѣ верблюды и питьемъ своимъ истощаютъ воду между тѣмъ, какъ потокъ небольшой“. Основаніе къ такому постановленію, по словамъ Хидая, въ томъ, что верблюдамъ не возбраняется пить воду изъ такого маленькаго потока, даже въ ущербъ интересамъ людей, потому что верблюды не ходятъ къ водѣ во всякое время, а слѣдовательно устанавливается какъ бы очередь въ пользованіи ею и, когда они пришли имъ отказать нельзя. Впрочемъ есть и другое толкованіе муджетегидовъ, по которому владѣльцу предоставляется въ подобномъ случаѣ воспрещать пользованіе водой, если вода требуется, на примѣръ, для орошенія посѣвовъ и насажденій, ибо цѣлое стадо уничтожаетъ право его на воду и уничтожаетъ его посѣвы.

Мнѣ остается добавить, что какихъ либо постановленій адата или шаріата, карающихъ техническія и санитарныя нарушенія, мнѣ не удалось добыть. Я полагаю, что относительно санитарныхъ нарушеній этихъ постановленій вовсе нѣтъ и, прежде всего, ихъ нѣтъ, въ силу мусульманскихъ воззрѣній на самоочищающую силу воды. Извѣстно, что такъ называемые „хаузы“, — небольшие прудки внутри дворовъ — представляютъ вмѣстилище желто-зеленой жидкости, въ которой и моютъ и моются, не подозрѣвая какимъ неизсякаемымъ источникомъ зараженія и заболѣванія служатъ эти прудки... Также извѣстно, что мусульмане устраиваютъ кладбища, такъ сказать, у пороговъ своихъ жилищъ, во дворахъ, рядомъ съ этими хаузами, и нагромождаютъ тѣла усопшихъ выше полотна дворовъ и дорогъ и этимъ достигаютъ, что подпочвенная вода, обмывающая останки мертвыхъ выходитъ на поверхность. Нельзя сказать, чтобы борьба противъ этого велась особенно успѣшно и извѣстно, что въ Ташкентѣ, внутри города, имѣется 58 кладбищъ, изъ которыхъ, послѣ десятилѣтнихъ усиленныхъ настояній, успѣли закрыть 33, — а 25 дѣйствуютъ и понынѣ.

Такимъ образомъ, какъ изволите видѣть, Хидая даетъ весьма немного руководящихъ началъ для будущаго воднаго закона и ими, какъ и поставленіями корана едва ли можно будетъ воспользоваться. Такого же мнѣнія по этому вопросу держались и на Кавказѣ. Въ 1883 г., въ годичномъ засѣданіи Кавказскаго юридическаго общества (5 мая), въ рѣчи Ф. А. Быкова произведена прекрасная оцѣнка историческаго хода вопроса о мусульманскихъ законахъ на Кавказѣ и результатъ этой оцѣнки выразился въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ:—а) необходимо исключить всякія ссылки въ нашемъ сводѣ на мусульманское законодательство; б) сохранять въ нашемъ законодательствѣ эти ссылки только потому, что онѣ основаны на коранѣ, нѣтъ достаточныхъ причинъ; в) брачное и наслѣдственное право мусульманъ нужно также подвести подъ дѣйствіе русскихъ законовъ.

Въ разъясненіе послѣдняго изъ этихъ положеній нужно сказать, что въ изданномъ 5 апрѣля 1872 г. положеніи объ управленіи закавказскаго мусульманскаго духовенства, дѣйствію шаріата подчинены только дѣла брачныя и наслѣдственныя.

Съ заключеніями Кавказскаго юридическаго общества нельзя не согласиться.

Перехожу къ вопросу о причинахъ невыработки закона для Крыма въ теченіе болѣе 50 лѣтъ. За этотъ долгій срокъ выработано было 10 проектовъ, но ни одинъ изъ нихъ не получилъ законодательной санкціи. Изъ всѣхъ этихъ проектовъ нужно отмѣтить только три позднѣйшіе, а именно, проекты 1872, 86 и 91 г.г. Упомянутая выше коммисія, подъ предсѣдательствомъ Данилевскаго, начала выработку законопроекта въ 1872 г.; работа эта была окончена и проектъ внесенъ въ государств. совѣтъ въ 1876 г., но въ 1880 г. проектъ этотъ былъ обратно взятъ бывшимъ министромъ государственныхъ имуществъ Островскимъ для перерѣлки. Затѣмъ кромѣ проекта Данилевскаго ни одинъ изъ слѣдующихъ проектовъ не доходилъ до разсмотрѣнія государственнаго совѣта.

Изъ всѣхъ выработанныхъ проектовъ, проектъ Данилевскаго отличается существеннымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ выработаны только одни общія положенія и никакихъ деталей объ устройствѣ ирригаціи въ Крыму не заключается.

Необходимо отмѣтить, что при выработкѣ этихъ общихъ положеній вовсе не приняты во вниманіе ни мѣстные обычаи, ни западныя законодательства. Затѣмъ въ этихъ общихъ положеніяхъ проводится идея полной частной собственности на воду, устанавливаются особыя преимущества въ водопользованіи, особыя права за владѣльцами истоковъ и главная цѣль устройства орошенія,—справедливое распредѣленіе оросительныхъ водъ, признавая ихъ общимъ достояніемъ, какъ бы считается недостижимой. Въ подтвержденіе принадлежности оросительныхъ водъ въ частную собственность приводятся статьи изъ 10 т. св. зак. гр.

Проектъ Данилевскаго не получилъ однако утвержденія. Ранѣе составленный, именно въ 1862 г., проектъ Янушевскаго не былъ также принятъ, но кажется потому, что въ немъ радикальнымъ образомъ былъ поставленъ вопросъ о государственномъ значеніи оросительныхъ водъ и рѣзко проведена мысль о принятіи ихъ въ непосредственное владѣніе казны. Эта идея была такъ смѣла и нова и подѣйствовала на крымскихъ землевладѣльцевъ столь устрашающимъ образомъ, что они оффиціально признали проектъ Янушевскаго „несообразнымъ“, хотя, встаетъ сказать, цѣлесообразность непосредственнаго надзора правительства за оросительными водами, черезъ 30 лѣтъ, уже признается самими крымскими землевладѣльцами, а для Кавказа эта цѣлесообразность уже признана законодательнымъ порядкомъ и неминуемо должна быть также признана и для Крыма. Затѣмъ проектъ 1886 г.—не былъ принятъ главнымъ образомъ потому, что въ это время выработывался законъ о водѣ для Закавказья и законъ этотъ предполагалось примѣнить къ Крыму, попытка каковаго примѣненія и сдѣлана въ проектѣ 1891 г., составляющемъ почти дословное воспроизведеніе закавказскаго закона о водѣ.

Но главною причиною столь продолжительной невыработки закона о водѣ для Крыма слѣдуетъ несомнѣнно считать невыясненность фактическаго состоянія ирригаціи, что совершенно лишало возможности входить въ оцѣнку вырабатываемыхъ проектовъ. Всѣ проекты построены не на фактическихъ данныхъ о дѣйствительномъ состояніи орошенія, а болѣе на предположеніяхъ о повсемѣстномъ безпорядкѣ въ оросительномъ дѣлѣ, а также на слухахъ и заявленіяхъ, исходящихъ отъ недовольныхъ лицъ или же на фактахъ отдѣльныхъ случаевъ насилій, преступленій и проч. Наконецъ исходною точкою признанія необходимости закона о водѣ для Крыма служило главнѣйшимъ образомъ предположеніе, будто бы въ Крыму, повсемѣстно нарушается не столько порядокъ водопользованія, сколько право на воду. Въ подтвержденіе такого положенія дѣла, впрочемъ, никогда не приводилось никакихъ доказательствъ, и не приводилось потому что ихъ не было.

Весьма характернымъ является то обстоятельство, что большинство авторовъ крымскихъ проектовъ были, въ то же время и крымскіе землевладѣльцы и это обстоятельство, до извѣстной степени объясняетъ, почему эти авторы, проектируя законъ о водѣ, признавали возможнымъ обходиться безъ всякихъ фактическихъ данныхъ. Какъ мѣстные землевладѣльцы, они знали дѣйствительное состояніе орошенія, хотя бы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились ихъ имѣнія и земли; всѣ они, такимъ образомъ находились подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго на мѣстѣ, и, при начертаніи своихъ законопроектвъ предъ ихъ, такъ сказать, умственнымъ окомъ являлись картины мѣстныхъ оросительныхъ условій, которыя ими обобщались по всѣмъ вѣроятіямъ для всего Крыма и приводили ихъ къ заключенію о необходимости принятія общихъ и одинаковыхъ для всѣхъ мѣстностей мѣръ, въ видахъ достиженія желаннаго порядка. Только этимъ и можно объяснить почему Симферополь, Ялта, Феодосія и Евпаторія признавались подлежащими дѣйствию однихъ и тѣхъ же правилъ.

Совершенно въ иномъ положеніи находились тѣ лица,

которымъ приходилось разсматривать эти законопроекты. Они не имѣли ни общаго представленія о крымскомъ орошеніи, ни о характерныхъ его особенностяхъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. При чтеніи этихъ законопроектвъ, въ ихъ воображеніи никакихъ картинъ не рисовалось, въ распоряженіи у нихъ никакихъ фактическихъ данныхъ не было и они, по справедливости, не имѣли достаточныхъ основаній принимать на вѣру мнѣнія и заключенія г.г. составителей проектовъ, изъ коихъ, притомъ нѣкоторые, называются въ дѣлѣ, „притѣснителями въ пользованіи водою“.

Необходимо, однако, пояснить, что настоятельная необходимость основываться непременно на фактическихъ данныхъ при выработкѣ закона о водѣ для Крыма признавалась всѣми лицами, близко стоявшими къ этому вопросу. И администрація и земскіе дѣятели проявляютъ въ этомъ отношеніи полное единомысліе и совершенно согласно признаютъ въ теченіи болѣе 50 л. необходимость собранія этихъ данныхъ, но признаютъ только теоретически, такъ какъ никакихъ распоряженій о ихъ собраніи не дѣлается, хотя, одновременно съ тѣмъ прилагаются усиленные заботы о собраніи свѣдѣній относительно порядковъ, существующихъ въ другихъ ирригаціонныхъ странахъ и въ дѣлѣ имѣется обильный матеріалъ для сужденій, какъ производится пользованіе водою въ Турціи, Персіи, Ломбардіи, Вюртембергѣ, какъ производилось это пользованіе и во времена Арабовъ и въ Египтѣ, и въ Индіи, и у Мавровъ. Собиранію этихъ свѣдѣній посвящено и много лѣтъ и много труда и какъ видно изъ дѣла, ради нихъ заведены были сношенія со многими заграничными посольствами и иностранными сановниками.

Что касается до изученія мѣстныхъ порядковъ, то въ Крыму, какъ и на Кавказѣ о необходимости изученія существующихъ порядковъ орошенія только говорятъ, но къ дѣлу не приступаютъ. Уже въ 1834 г. Х. Х. Стевень указывалъ на необходимость собранія обычаевъ, что и было рѣшено сдѣлать, но исполнено это не было. Изъ дѣла, заведеннаго въ 1840 году, видно, что въ этомъ году былъ открытъ въ

Таврической губ., подъ председательствомъ Василя Бера (вице-губернатора), особый по этому предмету комитетъ въ коемъ постановлено: а) собрать подробныя свѣдѣнія о всѣхъ рѣчныхъ и проточныхъ водахъ въ Крыму, съ описаніемъ ихъ теченія, а также свѣдѣнія о всѣхъ существующихъ канавахъ, б) просить помѣщиковъ доставить свѣдѣнія о всѣхъ спорахъ о водѣ и в) собрать эти свѣдѣнія (по спорамъ о водѣ) изъ присутственныхъ мѣстъ.

Въ 1844 г., въ краткой запискѣ крымскаго землевладельца Струкова высказано, что прежде, чѣмъ писать законы о водѣ, нужно имѣть свѣдѣнія о фактическомъ состояніи орошенія. Въ томъ же году извѣстный изслѣдователь Армянской области Шопенъ писалъ, что прежде всего надо снять планы водопроводныхъ канавъ и системъ и т. д., а пятью годами ранѣе, тотъ же Шопенъ (стр. 60—61) заявляетъ о необходимости собрать свѣдѣнія о всѣхъ каналахъ.

Не смотря на это всѣ проекты продолжаютъ обходиться безъ всякихъ фактическихъ данныхъ и спустя послѣ того тридцать лѣтъ, баронъ Николаи (нынѣ членъ государственнаго совѣта) представляя свои весьма цѣнныя замѣчанія, по поводу разновремененно вырабатываемыхъ проектовъ закона о водѣ для Крымскаго полуострова, каждый разъ воздерживается отъ рѣшительныхъ сужденій, за неимѣніемъ свѣдѣній о мѣстномъ обычномъ правѣ. Наконецъ, въ 1884 г. въ Крымъ былъ посланъ чиновникъ Шмигельскій „собрать возможно полныя свѣдѣнія относительно условій пользованія водою“, но такое собираніе было не подъ силу одному лицу, и потому чиновникомъ этимъ было собрано очень немного свѣдѣній, хотя имѣющихъ цѣнность, какъ разъясняющихъ нѣкоторыя стороны дѣла.

Не смотря, такимъ образомъ, на всеобщее признаніе необходимости, предварительной выработки законопроекта о водѣ, узнать фактическое состояніе ирригаціи, кончается тѣмъ, что запрошенный въ 1890 г. управляющій гос. имуществами Таврической губ. г. Чуйкевичъ доноситъ, что въ дѣлахъ управленія нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существующихъ спо-

собахъ и порядкѣ пользованія проточными водами и, что онъ командировалъ двухъ чиновниковъ, которые осмотрѣли главныя долины и собрали общія свѣдѣнія о тринадцати отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ проектъ въ 1891 г. опять составленъ безъ фактическихъ данныхъ. Въ собранныхъ двумя чиновниками общихъ свѣдѣній удостоверялось лишь паденіе, почти повсемѣстное, обычныхъ порядковъ, произвольное верхнихъ владѣльцевъ относительно нижнихъ, самоуправства и господство права сильного. — Чиновники эти удостоуверили, что хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ послѣдовали добровольныя соглашенія между соучастниками орошенія относительно порядка пользованія водой, но эти соглашенія постоянно нарушаются и нарушаются безнаказанно за неимѣніемъ власти, уполномоченной блюсти за порядкомъ.

Изъ всего, что сказано, видно, что о крымской ирригаціи никакихъ свѣдѣній нѣтъ, никто не знаетъ ни существующихъ порядковъ, ни длины каналовъ, ни пространствъ орошаемыхъ земель и, говоря о распредѣленіи воды, о регулированіи, не знаютъ даже сколько воды подлежитъ этому распредѣленію и между какими лицами она должна быть распредѣлена. Однимъ словомъ, предполагая управлять ирригаціоннымъ хозяйствомъ не знаютъ ни его живаго ни мертваго инвентаря, не знаютъ чѣмъ будутъ управлять, а слѣдовательно не знаютъ и какъ управлять.

Наконецъ была и еще одна причина неспѣха въ разработкѣ этого закона, о которой я упоминалъ уже ранѣе, именно несочувствіе крымскихъ землевладѣльцевъ. Объ этой причинѣ я распространяться не желалъ бы. Существованіе этого несочувствія, какъ уже сказано было въ свое время, подтверждено официально и, я могу лишь удостоуверить, что и въ настоящее время это несочувствіе продолжаетъ, во многихъ мѣстностяхъ, ощущаться самымъ несомнѣннымъ и видимымъ образомъ, не смотря на то, что оно замаскировано наружною готовностью — подвергнуться тому *ограниченію* правъ полной собственности на оросительныя воды, которое усматривается въ установленіи правительственнаго надзора за

орошеніемъ.—Это объясняется конечно тѣмъ, что дѣйствующій порядокъ для многихъ представляетъ слишкомъ большіе выгоды, чтобы они отказались отъ нихъ добровольно. Но я позволяю себѣ сказать, что это не должно бы останавливать рѣшеніе правительства приступить къ выясненію фактическаго состоянія крымскаго орошенія и прекратить, подъ опасеніемъ самыхъ нежелательныхъ послѣдствій, систему невѣдательства въ ирригаціонное хозяйство Крыма.

Прежде чѣмъ перейти къ выясненію какой законъ о водѣ нуженъ для Крыма я хотѣлъ бы, на самое короткое время, остановиться на укоренившемся убѣжденіи, вѣрнѣе заблужденіи, о сходствѣ между всѣми нашими ирригаціонными окраинами и вытекающемъ отсюда послѣдствіи: *необходимости для всѣхъ этихъ окраинъ одного закона о водѣ.*

Для Кавказа этотъ законъ уже выработанъ и утвержденъ 3-го декабря 1890 года; для Крыма, какъ я уже упоминалъ, предполагалось тотъ же законъ примѣнить, съ самыми незначительными измѣненіями, и, наконецъ, мнѣ извѣстно что, въ официальныхъ сферахъ Туркестанскаго края, выраженъ также взглядъ о полной примѣнимости Закавказскаго закона для Туркестана.

Спрашивается откуда могъ получиться такой взглядъ на одинаковость всѣхъ этихъ окраинъ?

Взгляните на карту и вы увидите, что всѣ эти три страны лежатъ въ разныхъ климатахъ, въ разныхъ географическихъ широтахъ и долготахъ; всѣ они находятся въ разныхъ экономическихъ и культурныхъ условіяхъ, въ каждой изъ нихъ держатся особой системы хозяйства; свойства почвы вездѣ неодинаковы, количество воды тоже и. т. д. и. т. д. Правда что на всѣхъ этихъ окраинахъ лѣтомъ жарко, но ташкентская, крымская и кавказская жара также различны какъ и различны всѣ проч. условія жизни на этихъ окраинахъ.

И всетаки о сходствѣ этихъ окраинъ говорятъ какъ о безспорномъ фактѣ и, во имя этого сходства, желаютъ примѣнить одинъ и тотъ же законъ объ ирригаціи для Крыма Туркестана и Закавказья.

Повидимому на такой взгляд дѣйствуетъ болѣе всего предположеніе о сходствѣ этихъ странъ, главнымъ образомъ, въ виду объединяющаго дѣйствія мусульманскаго закона, который, когда то, прилагался во всѣхъ этихъ странахъ, а изъ этого какъ бы вытекаетъ предположеніе, что *идея дѣйствовала одинаковый мусульманскій законъ тамъ долженъ быть одинаковый законъ русскій и все, что хорошо на Кавказѣ должно быть хорошо въ Крыму и Туркестанѣ.*

Я позволяю себѣ думать нѣсколько иначе и полагаю, что одинаковаго закона, для всѣхъ нашихъ ирригаціонныхъ окраинъ нельзя написать никакъ и, что для каждой изъ нихъ законъ долженъ быть иной.

Возьмемъ хотя бы только внѣшнюю сторону напр. климатъ. Крымъ гораздо сѣвернѣе Кавказа а Туркестанъ сверхъ того лежитъ гораздо болѣе къ востоку. Атмосферныхъ осадковъ въ Крыму гораздо болѣе чѣмъ на Кавказѣ и еще болѣе чѣмъ въ Туркестанѣ, гдѣ бездождный и безоблачный періодъ необыкновенно длиненъ и продолжается 4—5 мѣсяцевъ. Изобиліе оросительной воды въ Туркестанѣ, благодаря огромнымъ рѣкамъ, дѣйствительно громадно; на Кавказѣ оно очень велико, а въ Крыму, не только не можетъ быть рѣчи о какомъ либо изобиліи, а скорѣе можно сказать о скудости оросительной влаги.

Оросительные каналы Крыма, по своимъ размѣрамъ совершенно ничтожны; на Кавказѣ они довольно велики, а въ Туркестанѣ они часто громадны.

Такъ называемыхъ „свободныхъ“ оросительныхъ водъ, т. е. такихъ водъ, которыя могутъ быть употреблены на орошеніе новыхъ земель въ Крыму, въ теченіи лѣта, совсѣмъ нѣтъ; на Кавказѣ ихъ много, а въ Туркестанѣ ихъ очень много. Орошаемыхъ пространствъ въ Крыму, сравнительно совсѣмъ незначительное количество, не болѣе 5—6 т. десятинъ, на Кавказѣ это пространство доходитъ до полутора милліона дес., а въ Туркестанѣ свыше 2 милліоновъ дес. Затѣмъ въ Крыму орошаются только сады, виноградники, табаки и огороды; на Кавказѣ орошаются также пахатныя по-

ля, и есть незначительное рисовое хозяйство а въ Туркестанѣ воды такъ много, что тамъ, кромѣ громаднхъ пространствъ такъ наз. „сухихъ посѣвовъ“ ведется еще громадное рисовое или „мокрое“ хозяйство. Въ концѣ концовъ можно сказать, что если въ Крыму существуетъ хроническая водная анемія то въ Туркестанѣ напротивъ царить водная гиперемія. Затѣмъ если сходство и существуетъ между всѣми этими странами то развѣ только въ томъ отношеніи, что техника ирригаціи вездѣ находится въ одинаково несовершенномъ состояніи, но и тутъ колоссальныя сооруженія Туркестана не могутъ итти ни въ какое сравненіе съ ничтожными гидротехническими приспособленіями Крыма.

Кажется уже въ силу этихъ чисто внѣшнихъ признаковъ не можетъ быть рѣчи объ одномъ законѣ для всѣхъ трехъ окраинъ, между тѣмъ по отношенію напр. къ Крыму, въ одной оффиціальной запискѣ говорится: „Сравнивая Крымъ съ мусульманскимъ Закавказьемъ нельзя не признать одинаковыхъ условій ирригаціоннаго хозяйства, какъ въ прошломъ такъ и въ настоящемъ“ и на этомъ основаніи предполагается создать одинъ законъ для Крыма и для Закавказья.

Нужно приэтомъ однако пояснить, что говорить съ большей или меньшей увѣренностью о примѣнимости закавказскаго закона къ Крыму не имѣется пока никакихъ данныхъ. Само собой разумѣется, что какъ о практическихъ достоинствахъ, такъ и о примѣнимости закавказскаго закона къ Крыму всего лучше было бы судить по результатамъ этого примѣненія на мѣстѣ т. е. въ Закавказьѣ, но, какъ извѣстно, первые 4 года по введеніи этого закона употреблены исключительно на приведеніе въ извѣстность закавказскихъ оросительныхъ системъ и, до сихъ поръ, ни къ установленію правъ на воду, ни къ техническому усовершенствованію водныхъ системъ, ни вообще къ „упорядоченію“ еще не приступлено, а потому никакого матеріала для сужденія о достоинствахъ закавказскаго закона о водѣ не имѣется и вопросъ объ этихъ достоинствахъ остается пока совершенно открытымъ.

Между тѣмъ свѣдѣнія о ходѣ работъ по введенію въ Закавказьѣ закона о правѣ на воду, а также самый текстъ закавказскаго закона даютъ уже и, въ настоящее время, нѣкоторыя данныя для заключенія о томъ можетъ ли быть этотъ законъ примѣненъ къ Крыму.

Появленіе закавказскаго закона, какъ извѣстно, вызвано желаніемъ „установить права на воду“, улучшить оросительныя системы и вообще говоря „упорядочить пользованіе водою“.

Обнародованію закавказскаго закона, выработавшагося также около полустолѣтія, предшествовало много лѣтъ тому назадъ установившееся и до нынѣ существующее, мнѣніе о пошатнувшейся будто бы въ Закавказскомъ краѣ ирригаціи и пошатнувшейся именно съ тѣхъ поръ, какъ въ управленіе краемъ вступила русская власть, хотя это, довольно твердо укоренившееся мнѣніе и, какъ логическій выводъ изъ него—необходимость скорѣйшаго закона о водѣ—не помѣшало дѣлу этому затянуться на многіе десятки лѣтъ.

Тоже самое мнѣніе о пошатнувшейся, со времени начатія русскаго владѣнія, ирригаціи было высказано по отношенію къ Крыму и, наконецъ тоже самое высказывается относительно Туркестана.

Нельзя, прежде всего, хотя бы вкратцѣ, не коснуться вопроса о крайней несостоятельности установившагося убѣжденія въ неумѣннѣ русской власти справляться съ ирригаціоннымъ дѣломъ.

25 лѣтнее личное мое наблюденіе за ходомъ этого дѣла на Кавказѣ и въ Туркестанѣ доказываетъ, что это мнѣніе, хотя и прочно установившееся, тѣмъ не менѣе не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей. Несомнѣнныя фактическія данныя свидѣтельствуютъ о сравнительно рѣдкихъ случаяхъ безпорядковъ и преступленій изъ за воды. Эти данныя указываютъ не на сокращеніе а на развитіе ирригаціонной сѣти. Они также указываютъ на увеличеніе посѣвовъ и улучшеніе культуры, на переходъ къ посѣвамъ болѣе цѣнныхъ злаковъ и на отысканіе новыхъ источниковъ оросительныхъ водъ. Приэтомъ необходимо отмѣтить, что

весь этотъ прогрессъ имѣлъ мѣсто при наличности всѣмъ извѣстныхъ неблагопріятныхъ для ирригаціи условій послѣднихъ лѣтъ, т. е. при повсемѣстномъ уменьшеніи атмосферной влаги, при увеличеніи народонаселенія нуждающагося въ оросительной водѣ и проч. и проч.

Не смотря однако на укоренившееся мнѣніе о безпорядкахъ ни крымская, ни туркестанская, ни даже закавказская мѣстная судебная хроника, ни данныя административныхъ лѣтописей не могутъ представить хоть сколько нибудь серьезныхъ подтвержденій того, что преступленія изъ за воды увеличились, со времени принятія власти русской администраціей, но, какъ это уже не разъ случалось и будетъ не разъ повторяться впредь въ исторіи человѣчества, единичные факты подобныхъ безпорядковъ обобщались и возводились въ общее правило, а видимое развитіе благосостоянія населенія и расширеніи ирригаціонной площади при будто бы пошатнувшейся ирригаціи, замалчивалось, не смотря на явную невозможность совмѣстнаго существованія этихъ 2-хъ фактовъ.

Такое упорное, но тѣмъ не менѣе нисколько не соответствующее истинѣ, убѣжденіе въ паденіи ирригаціи въ Крыму какъ и на Кавказѣ основывалось, главнѣйшимъ образомъ, на томъ, что никакихъ, хоть сколько нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній, о размѣрахъ и качествахъ ирригаціоннаго хозяйства, въ такъ называемое ханское время, собираемо не было и собрать ихъ не было возможности, а общечеловѣческая слабость идеализировать и прославлять старину сыграла въ этомъ заблужденіи извѣстную роль: прошлое азіатской ирригаціи представлялась величественнымъ, а современное положеніе въ состояніи почти полного упадка. Достоенъ лишь вниманія тотъ фактъ, что при этой будто бы испорченной и пошатнувшейся ирригаціи Кавказъ просуществовалъ почти сто лѣтъ, а Крымъ и того болѣе.

Такая же цѣль т. е. упорядоченіе пошатнувшейся ирригаціи, преслѣдуется всѣми проектами положенія о водѣ для Крыма, причемъ нужно лишь добавить, что Крымъ существуетъ при такой же какъ и Закавказье, по мнѣнію многихъ

пошатнувшейся ирригаціи, свыше ста лѣтъ и, какъ всѣмъ извѣстно, отнюдь не бѣднѣетъ, а по своему современному экономическому состоянію никакъ не можетъ быть сравниваемъ съ тѣми временами ханскаго управленія когда будто бы ирригація эта процвѣтала. Статистическія данныя предметовъ вывоза крымскихъ культуръ (фрукты, виноградъ, овощи и вино) подтверждаютъ это лучше всего.

Всѣ современные упреки, дѣлаемые закавказской, крымской и туркестанской ирригаціи, сводятся къ тремъ главнымъ пунктамъ. Во первыхъ, говорятъ, что вода расходуется хищнически, т. е. ее берется больше, чѣмъ надобно и никакой экономіи въ ея расходованіи не соблюдается; во вторыхъ, указываютъ на происходящіе изъ за воды, и будто противу прежняго времени умножившіеся ссоры, споры и преступленія, и въ третьихъ, утверждаютъ, что въ свое время ханы рѣшали водные споры гораздо скорѣе и лучше, чѣмъ это дѣлается теперь, потому де, что, получая налоги произведеніями земли они были лично заинтересованы въ процвѣтаніи и поддержаніи ирригаціи, а въ рѣшеніи споровъ проявляли особую быстроту, искусство и справедливость.

Однако едва ли можно отрицать, что хищническая система пользованія водою, почти невозможная при европейской ирригаціи, при существованіи тамъ всякаго рода водоизмѣрителей и вододѣлителей, не столько зависитъ отъ злой воли обывателя, сколько связано съ самыми способами азіатской системы орошенія, а потому и несомнѣнно практиковалась во времена хановъ. Но нужно замѣтить, что этотъ хищническій способъ никогда не одобрялся такъ называемымъ обычнымъ правомъ, какъ не одобряется и теперь, а напротивъ находилъ и продолжаетъ находить въ немъ всегда противодѣйствіе уже въ силу того только, что въ ирригаціонныхъ странахъ всегда умѣли дорожить водою и цѣнить ея важное значеніе.

Едва ли также кто либо рѣшится утверждать, что при ханскомъ управленіи не было ни споровъ, ни преступленій изъ за воды, а что касается до того, что ханы являлись лично заинтересованными въ успѣхѣхъ орошенія, то кажется

несомнѣннымъ, что и русское правительство заинтересовано въ немъ въ степени никакъ не меньшей, чѣмъ правительство ханское.

Было бы также большою смѣлостью утверждать, что ханское правосудіе стояло выше, чѣмъ русское и что азіатскіе порядки управленія вообще имѣли преимущество предъ порядками цивилизованной страны. Что засимъ касается до спеціального достоинства приписываемаго ханскому правосудію и заключающемуся въ особой быстротѣ ханскихъ рѣшеній, то, не говоря уже про то, что ханы не могли лично рѣшать всѣхъ дѣлъ на своихъ обширныхъ территоріяхъ, а предоставляли это своимъ подчиненнымъ, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что, судя по выработанному для Закавказья закону о водѣ, это достоинство ханскаго режима ставится по видимому не особенно высоко, потому что весь современный строй правосудія по воднымъ дѣламъ въ Закавказьѣ основанъ на порядкахъ не только медленныхъ, но и чуждыхъ туземному населенію по своимъ канцелярскимъ приемамъ.

Преслѣдуемая закономъ 3 декабря 1890 года цѣль— „установить права на воду“ также проводилась во всѣхъ прежнихъ проектахъ положенія для Крыма и на этомъ вопросѣ я считаю нужнымъ остановиться съ особеннымъ вниманіемъ. Цѣль подобнаго установленія правъ на воду указываетъ на попытку поставить вопросъ о пользованіи водою на твердую почву закона и дать этомъ праву, такъ сказать, свойство незыблемости. Однако болѣе или менѣе близкое знакомство съ азіатской ирригаціей убѣждаетъ всякаго, что при существующихъ условіяхъ этой ирригаціи, благополучный или неблагополучный ея ходъ находится въ слишкомъ большой зависимости отъ чисто стихійныхъ причинъ, дѣйствию которыхъ противопоставляется или вообще слабая, или часто совершенно младенческая техника, а при такихъ обстоятельствахъ, въ большинствѣ случаевъ, такая незыблемость закона является уже недостижимой. По скольку такая твердость и незыблемость въ правахъ пользованія водою будетъ дѣйствительно существовать, хотя бы и безъ всякой регламентаціи закона,

тамъ гдѣ вода имѣется всегда въ одинаковомъ изобиліи и гдѣ уже въ силу этого изобилія никакіе споры, ссоры, пререканія и драки невозможны, по стольку же обладатели самыхъ крѣпкихъ документовъ на воду рискуютъ остаться безъ воды, но съ одними документами въ рукахъ, тамъ гдѣ количество воды измѣнчиво и неопредѣленно.

Въ особенности я считаю необходимымъ обратить вниманіе на то, что едва ли можетъ быть примѣненъ къ Крыму основной законъ положенія о водѣ для Закавказья. Текстъ этого закона слѣдующій:

„При опредѣленіи правъ пользованія оросительными водами принимается за основаніе потребность населенія въ водѣ и существующее пользованіе оною, удостовѣряемое мѣстными обычаями и давностнымъ пользованіемъ, продолжавшимся не менѣе десяти лѣтъ явно и безспорно, а равно свидѣтельскими показаніями и письменными доказательствами“.

Прежде всего возникающій при чтеніи этой статьи вопросъ о роли, которую кавказскій законъ о водѣ предоставляет „обычаю“ чрезвычайно затруднительно разрѣшить, основываясь лишь на текстѣ закона, практическихъ же случаевъ такого рѣшенія еще не случалось и потому трудно понять, какъ новый водный законъ будетъ примиренъ съ обычаемъ.

Упраздненъ обычай или оставленъ? Обязателенъ ли онъ для руководства воднымъ учрежденіемъ или нѣтъ? Повидимому изъ текста приведеннаго закона слѣдовало бы сдѣлать выводъ, что обычай обязателенъ и непременно долженъ быть принятъ къ свѣдѣнію и руководству, при опредѣленіи правъ на воду, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не видѣть, что между „*потребностью въ водѣ*“ и „*существующимъ пользованіемъ*“ не только нѣтъ никакого тождества, но, напротивъ, тутъ, что называется на каждомъ шагу, могутъ встрѣчаться явныя противорѣчія. Существующее пользованіе и даже такое какъ требуетъ законъ, т. е. удостовѣряемое или свидѣтельскими показаніями, или мѣстнымъ обычаемъ, или давностью можетъ значительно превышать потребность, а потребность можетъ явно не соответствовать существующему пользованію, и при

разрѣшеніи вопроса, чему отдать предпочтеніе—существующему пользованію или потребности, все будетъ зависѣть отъ тѣхъ взглядовъ на потребность въ водѣ, которые выработаются на практикѣ.

Если эту потребность, которая, какъ сказано въ законѣ, будетъ приниматься за *основаніе* при опредѣленіи правъ, будутъ устанавливать техники, на основаніи строгихъ конечно научныхъ данныхъ, то понятно, что роль, которую призванъ играть обычай, выражающійся въ существующемъ пользованіи или подтверждаемый давностью, или свидѣтельскими показаніями, будетъ сведена къ нулю. Ясно, что и письменные документы, удостоверяющіе извѣстныя права на извѣстныя количества воды, точно также могутъ быть въ полномъ несогласіи съ *потребностью*, опредѣляемою по правиламъ науки и, вообще, согласить эту потребность съ существующимъ пользованіемъ будетъ, въ большинствѣ случаевъ, весьма трудно. При такихъ обстоятельствахъ обычному пользованію водою, хотя бы и удостоверяемому всѣми тѣми способами, которые перечислены въ закавказскомъ законѣ, грозитъ неминуемое упраздненіе.

Не ясно ли затѣмъ, что при такой постановкѣ дѣла въ Закавказьѣ будетъ производиться вовсе *не выясненіе* существующихъ правъ, а скорѣе *установленіе этихъ правъ на новыхъ, совершенно несогласныхъ ни съ существующими порядками, ни съ документами, ни съ давностью началахъ*, а на основаніяхъ научно техническихъ. А потому я полагаю, что основная статья закона о водѣ поведетъ въ Закавказьѣ вовсе не къ опредѣленію правъ на воду „въ связи съ существующимъ обычаемъ, давностью, документами и свидѣтельскими показаніями“, а приведетъ лишь къ административно технической регламентаціи необходимаго количества воды, согласно выясненной техниками потребности, т. е. совершенно независимо отъ обычая, документовъ, давности и свидѣтельскихъ показаній.

Я полагаю, что если такой законъ для Крыма и будетъ признанъ нужнымъ то, во всякомъ случаѣ примѣненіе его къ Крыму должно быть отложено до испытанія на Кавказѣ.

Высказавшись за невозможность примѣненія дѣйствующаго

въ Закавказьѣ закона къ Крыму, я перехожу къ обсужденію вопроса, на какихъ основаніяхъ долженъ быть построенъ законъ о водѣ собственно для Крыма.

Общія основанія этого закона выражены въ тезисахъ 5 и 8 моего сообщенія, которые по своему содержанию подлежатъ совокупному разсмотрѣнію. Смыслъ положеній, высказанныхъ въ этихъ тезисахъ, заключается въ томъ, что нынѣ дѣйствующій въ Крыму оросительный порядокъ, хотя и не основанный на какомъ либо положительномъ законѣ, нужно, однако, считать совершенно установившимся, а потому ни устаналивать, ни опредѣлять, ни тѣмъ болѣе закрѣплять за кѣмъ либо право на опредѣленное количество воды законъ не долженъ и въ документахъ на воду, если таковые будутъ признаны необходимыми, должно быть удостовѣрено только право участія въ общемъ имуществѣ, но никакъ не право на полученіе опредѣленнаго количества воды.

Какъ я уже ранѣе говорилъ, я повторяю и глубоко въ томъ убѣжденъ, что совершающіеся и нерѣдко остающіеся безнаказанными разные безпорядки, самоуправство и насилія въ ирригаціонномъ дѣлѣ въ Крыму никакимъ образомъ не должны быть приписываемыми неустановленію или невыясненію правъ на воду, какъ объ этомъ нерѣдко высказываются официальные лица, и безпорядки, и не столько безпорядки, сколько безнаказанность ихъ происходятъ единственно за неимѣніемъ какой либо власти, уполномоченной вѣдать ирригаціей.

Не безправіе, а безвластіе есть больное мѣсто крымской ирригаціи. При существованіи безправія, т. е. невыясненіи правъ на воду, Крымъ не могъ бы просуществовать болѣе ста лѣтъ безъ всякаго закона, а потому какая либо ломка установившагося, и уже сто лѣтъ существующаго порядка, не можетъ быть никоимъ образомъ допущена во имя какого то установленія правъ и потому я говорю, что устаналивать, опредѣлять и закрѣплять права, при настоящихъ условіяхъ воднаго дѣла въ Крыму, не можетъ имѣть никакого другаго значенія, какъ стремленія къ пересмотру уже установившихся, опредѣлив-

шихся и окрѣпшихъ правъ, т. е. добиваться ломки существующаго порядка.

И всѣ данныя дѣла повидимому указываютъ на то, что вопроса о правахъ на воду совершенно не слѣдуетъ возбуждать. Ни изъ какихъ обстоятельствъ дѣла не видно, чтобы жалобы на безпорядки въ водопользованіи приписывались невыясненію правъ и всѣ жалобы согласно указываютъ, что въ пользованіи водами права признаются, но нѣтъ порядка. Изъ дѣлъ притомъ вовсе не видно, чтобы происходили какіе либо частые споры о правахъ, напротивъ, собственно о правахъ на воду мало или почти не спорятъ и, напр., въ Ялтинскомъ уѣздѣ, наиболѣе изобилующемъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ этими спорами, за 10 лѣтъ возникло всего 60 дѣлъ о водѣ, а о нарушеніи правъ на воду всего не болѣе 10. Несомнѣнно, что и всѣ требованія закона о водѣ сводятся гораздо болѣе къ желанію добиться порядка въ управленіи водами, чѣмъ признанія чьихъ либо правъ и я еще разъ повторяю, что устанавливая права теперь, по истеченіи ста лѣтъ нашего владычества въ Крыму, значило бы косвеннымъ образомъ признать, что до сихъ поръ права эти были какъ бы незаконны и не установлены и такое устанавливаніе правъ свелось бы, въ сущности, лишь къ тому, что у однихъ пришлось бы отнимать то, что закрѣплено давностью и всякими иными способами, а другимъ даровать то, чего они до сихъ поръ не приобрѣли и о чемъ не просятъ.

Очевидно, что нужно вовсе не выясненіе, не установленіе и не утвержденіе чьихъ либо правъ, а нужна только охрана уже установившагося порядка пользованія на будущее время. Существующій произволь и нарушеніе въ оросительномъ дѣлѣ, о которомъ говорится болѣе полустолѣтія, конечно, не суть доказательство безправія, а только доказательство отсутствія организованнаго надзора, который и нужно установить, а также доказательство воцарившагося въ этомъ дѣлѣ безпорядка который требуется устранить. Едва ли нужно объяснять, что грубое насиліе и, въ особенности, насиліе объясняемое какими либо исключительными обстоятельствами и, чаще всего, не-

благоприятными вліяніями природы, возможны и въ самомъ благоустроенномъ обществѣ и возможности этой никакой законъ устранить не можетъ а нужны лишь мѣры предупрежденія и пресѣченія ихъ.

При такомъ взглядѣ на задачу правительства относительно устройства въ Крыму оросительнаго дѣла, задача эта, по мнѣнію моему, могла бы быть въ общихъ чертахъ формулирована такъ: не входя въ разсмотрѣніе документовъ, соглашеній и всякихъ иныхъ правъ на воду, установившихся временемъ и обычаемъ, но, озабочиваясь огражденіемъ общихъ интересовъ и потребностей населенія въ оросительной водѣ и установленіемъ прочнаго порядка въ водопользованіи, правительство, *во первыхъ*, предоставляетъ всѣмъ участникамъ орошенія постановить письменные приговоры въ которыхъ формулировать дѣйствующій на оросительныхъ канавахъ порядокъ въ пользованіи водой *и во вторыхъ* возлагаетъ на особое правительственное учрежденіе главный надзоръ за эксплуатаціей всѣхъ оросительныхъ системъ и за соблюденіемъ установившагося порядка въ пользованіи орошеніемъ, принимая всѣ мѣры къ бережливому пользованію водой и прекращая пользованіе хищническое, небрежное и недобросовѣстное.

Для достиженія этой цѣли правительство организуетъ спеціальное управленіе оросительными и проточными водами Крыма; издаетъ обязательныя постановленія, техническія полицейскія, санитарныя и всякія иныя; разрѣшаетъ или воспрещаетъ устройство новыхъ каналовъ или отводы изъ каналовъ существующихъ; отыскиваетъ и эксплуатируетъ новые источники и запасы воды; распоряжается обязательнымъ устройствомъ или переустройствомъ ирригаціонныхъ сооружений, гдѣ это признаетъ нужнымъ; обязывается тамъ, гдѣ никакихъ соглашеній между соучастниками орошенія не послѣдуетъ, установить порядокъ на основахъ справедливаго распределенія воды; содѣйствуетъ частнымъ лицамъ въ улучшеніи орошенія; разрѣшаетъ вопросы о расширеніи культуръ на существующихъ каналахъ; караетъ лицъ, не исполняющихъ изданныя постановленія и вообще ограждаетъ порядокъ отъ нарушенія,

не вмѣшиваясь, однако, во внутреннее распредѣленіе оросительныхъ водъ между лицами и обществами, уже состоящими въ какихъ либо обязательныхъ и закономъ дозволяемыхъ отношеніяхъ, но блюдя лишь общіе ирригаціонные интересы края и направляя всѣ усилія къ тому, чтобы имѣющіеся запасы оросительной воды были использованы наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ. Такова общая программа для выработки закона объ управленіи орошеніемъ въ Крыму.

Для болѣе полнаго выясненія вопроса о правахъ на воду и въ доказательство того, что *установленія* ихъ вовсе не требуется и что ст. 424 т. X ч. 1 тутъ не при чемъ, будетъ не лишнее нѣсколько долѣе остановиться на этомъ предметѣ.

О какихъ собственно правахъ на воду землевладѣльцевъ Крыма можетъ быть поставленъ вопросъ, принявъ во вниманіе, во *первыхъ*, издавно существовавшій въ предѣлахъ бывшихъ турецкихъ владѣній порядокъ пользованія водою по обычаю а, во *вторыхъ*, дѣйствующіе нынѣ наши гражданскіе законы? Если признать, согласно тѣмъ даннымъ, которыя собраны въ дѣлѣ относительно пользованія водой въ Крыму, что по вступленіи Россіи во владѣніе этимъ полуостровомъ, никакого иного закона, взамѣнъ прежде дѣйствовавшего порядка, издаваемо не было и что собственно этотъ порядокъ подпалъ подъ охрану русской власти, то слѣдуетъ придти къ убѣжденію, что какъ поступившіе въ подданство Россіи мусульмане, такъ и всѣ пріемники ихъ правъ, къ какимъ бы національностямъ они не принадлежали, никакихъ иныхъ правъ на оросительную воду, кромѣ *права пользованія*, не пріобрѣли и пріобрѣсть не могли, ибо основнымъ положеніемъ мусульманскихъ взглядовъ на оросительную воду было и остается то возрѣніе, извлеченное изъ корана, что оросительная вода, какъ солнце, огонь и лѣсъ есть общее достояніе, никому въ частности, на правахъ собственности, не принадлежащее. Такое возрѣніе на воду продолжаетъ впрочемъ и нынѣ держаться во всѣхъ чисто мусульманскихъ общинахъ Крыма, а также возрѣніе это признается, хотя и по неволѣ, лицами другихъ національностей, если они являются соучастниками въ поль-

зованіи водою вмѣстѣ съ мусульманами. Въ этихъ случаяхъ признается только право пользованія водою за всѣми имѣющими осѣдлость по берегамъ какихъ либо проточныхъ водъ и притомъ при условіи признанія такого же права за всѣми лицами, имѣющими тамъ осѣдлость и ни о какихъ правахъ собственности на воду нѣтъ и рѣчи.

Иной взглядъ высказывается лишь лицами не, находящимися въ круговоротѣ обычнаго пользованія водой и только потому не считающими себя обязанными подчиняться издревле извѣстному и единственному въ Крыму обычному порядку водопользованія. Такихъ лицъ уже теперь очень много и число ихъ все увеличивается. Благодаря почти поголовному (мѣстами) выселенію изъ Крыма мусульманъ и переходу ихъ земельныхъ владѣній въ руки лицъ другихъ національностей, обычный порядокъ водопользованія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Крыма, утраченъ почти безъ слѣда, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не признается большинствомъ или очень крупными собственниками, а потому также не имѣетъ никакой силы.

Но что же пришло на смѣну утраченнаго или непризнаваемаго обычнаго порядка? На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ указаніемъ, что право на воду, и именно право полной собственности, вполне разрѣшается статьею 424 т. X ч. I и хотя никто, до сихъ поръ, не рѣшался утверждать, что приведенный законъ явился именно на смѣну обычнаго порядка пользованія, но тѣмъ не менѣе, на эту статью ссылаются какъ на такое узаконеніе, которое оставляетъ внѣ всякаго сомнѣнія наличность у крымскихъ землевладѣльцевъ полного права собственности на протекающія чрезъ ихъ владѣнія воды.

Едва ли однако такое мнѣніе имѣетъ за собою какія либо солидныя основанія. Ни буквальное, ни логическое, ни историческое толкованіе этого закона не даетъ ни малѣйшаго повода предполагать, что статья эта даетъ крымскимъ землевладѣльцамъ права собственности на протекающія чрезъ ихъ владѣнія воды. Прежде всего появленія этой статьи относятся ко времени до завоеванія Крыма (1782 г.) и уже этимъ уста-

навливается, что при изданіи этого закона Крымъ и его воды въ виду не имѣлись. Затѣмъ и всѣ находящіяся подъ этой статьей ссылки и цитаты подтверждаютъ лишь это положеніе, ибо ни въ одной изъ нихъ не только нѣтъ указанія о распространеніи дѣйствія этой статьи на проточныя воды Крыма, но и вообще ни одна изъ этихъ цитатъ никакихъ разъясненій относительно правъ собственности на оросительныя и проточныя воды въ себѣ не заключаетъ. Обращаясь же къ буквальному и логическому толкованію закона, изображеннаго въ ст. 424 т. X. ч. I., слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что въ этой статьѣ, хотя и говорится о правѣ собственности, но отнюдь не на протекающія чрезъ владѣнія воды, а только на воды, не выходящія за предѣлы границъ владѣнія.

„По праву собственности на земли, говорится въ этой статьѣ, владѣлецъ ея имѣетъ право на всѣ произведенія поверхности ея, на все, что заключается въ нѣдрахъ ея, на воды, въ предѣлахъ ея находящіяся, и, словомъ, на всѣ ея принадлежности“. Уже буквальный смыслъ статьи этой очевидно тотъ, что владѣлецъ земли имѣетъ право на все, что находится на ней и въ ней, но что права его ограничиваются предѣлами владѣній—между тѣмъ воды крымскихъ рѣкъ, имѣющія оросительное значеніе, насколько мнѣ извѣстно, въ предѣлахъ отдѣльныхъ владѣній никогда не заключаются.

Допустивъ иное толкованіе этого закона, пришлось бы признать, что всѣ верхніе владѣльцы земель, по праву полной собственности на претекающія чрезъ ихъ владѣнія воды, могли бы вовсе не пропускать воды къ нижележащимъ землевладѣльцамъ; слѣдовало бы далѣе заключить, что, по праву той же полной собственности, всякій верхній землевладѣлецъ могъ бы продавать эту воду, отдавать ее въ аренду, измѣнять ея направленіе и, словомъ, распоряжаться, какъ ему заблагоразсудится, по праву полного собственника. Однако ни крымскіе, ни какія либо иные землевладѣльцы, имѣнія которыхъ находятся на берегахъ проточныхъ водъ, имѣющихъ оросительное значеніе, до такого толкованія правъ своей собственности на воду еще не дошли и никакихъ попытокъ осуществить

свои права подобнымъ образомъ не дѣлали, да и сдѣлать не могли.

И нельзя въ самомъ дѣлѣ предположить, что такое воздержаніе отъ осуществленія своихъ правъ, осуществленія вполнѣ возможнаго, напримѣръ, въ Крыму, при ничтожныхъ тамошнихъ рѣчкахъ, не произошло только по доброму желанію землевладѣльцевъ и, очевидно, что такого права они сами за собою не признавали, а потому все это только подтверждаетъ, что если за владѣльцами земель, находящихся по берегамъ проточныхъ водъ, имѣющихъ оросительное значеніе, и можно признать какое либо право на эту воду, то только *право пользованія* и, притомъ, во всякомъ случаѣ, право ограниченное такими же правами другихъ владѣльцевъ, ниже по теченію рѣкъ находящихся. О правѣ же полной собственности на воду не можетъ быть и рѣчи.

Въ подтвержденіе такихъ соображеній можетъ служить, между прочимъ, то обстоятельство, что никакихъ актовъ о приобрѣтеніи *правъ собственности* на проточную воду въ Крыму никогда совершаемо не было и нынѣ не совершается, и само собою разумѣется, что никакихъ руководящихъ рѣшеній Правительствующаго Сената въ пользу такого толкованія также нѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ осуществленіе на практикѣ такого толкованія ст. 424 т. X ч. 1, которое указано выше, повело бы къ серьезному перевороту въ странѣ, обогативъ верхнихъ владѣльцевъ и предоставивъ имъ, по произволу, обездоливать нижнихъ владѣльцевъ.

Окончательный выводъ изъ всѣхъ приведенныхъ выше разсужденій естественнымъ образомъ долженъ быть тотъ, что никогда въ Крыму правъ полной собственности на проточные воды, не заключающіяся въ предѣлахъ одного владѣнія, не существовало и существовать не могло и что издавна, за всѣми прибрежными жителями большихъ и малыхъ рѣкъ, изъ которыхъ, кстати замѣтить, нѣтъ ни одной судоходной, безмолвно признавалось и продолжаетъ признаваться одно лишь право пользованія, ограниченное такими же правами другихъ лицъ, каковое право, фактически и преемственно признается

за всѣми прибрежными владѣльцами понынѣ и практика не даетъ указаній случаевъ нарушенія подобныхъ правъ прибрежныхъ владѣльцевъ. Но, *благодаря отчасти вышеуказаннымъ притязаніямъ владѣльцевъ* на полное право собственности относительно протекающихъ по ихъ владѣніямъ рѣкъ, отчасти *благодаря исчезновенію обычнаго порядка*, вмѣстѣ съ массовымъ выселеніемъ татаръ и, главное, *вслѣдствіе отсутствія всякой власти, наблюдающей* за оросительнымъ дѣломъ, порядокъ водопользованія, съ теченіемъ времени, измѣнился настолько, что превратился въ произволь и право сильного, о чемъ согласно свидѣлствуютъ всѣ оффиціальныя лица. Благодаря уменьшенію влаги и, въ то же время, увеличенію культурной площади, этотъ произволь естественнымъ образомъ все возрастаетъ и понятно, что отъ него все болѣе и болѣе терпятъ нижніе владѣльцы. Приэтомъ, если статистическія данныя и свидѣлствуютъ, что культура Крыма не падаетъ, а развивается, что количество садовъ не уменьшается, а увеличивается, то одновременно съ тѣмъ выясняется, что развитіе этой культуры происходитъ преимущественно въ предѣлахъ верхнихъ владѣній, за счетъ паденія культуры нижнихъ владѣній, что при дальнѣйшемъ произволѣ, водворившемся въ этомъ дѣлѣ, такое обездоливаніе нижнихъ владѣльцевъ будетъ продолжаться и на будущее время, вызывая самоуправства, насилие и беспорядки и положить предѣлъ сему произволу можетъ только правительство, взявъ оросительное дѣло въ свои руки и прекративъ дальнѣйшій гнетъ верхнихъ владѣльцевъ. Едва ли нужно добавлять, что чѣмъ скорѣе это послѣдуетъ, тѣмъ будетъ лучше и что уже допущенныя многолѣтніе захваты воды верхними владѣльцами настолько осложнили вопросъ о дѣйствительныхъ правахъ лицъ на воду, что только, избѣгая коренной ломки всего установившагося порядка, приходится до извѣстной степени признать существующее положеніе вещей.

Но какъ ни печально сознаніе необходимости какъ бы примириться съ тѣми захватами воды, которые до сихъ поръ практиковались болѣе или менѣе безнаказано, я всетаки по-

лагаю, что при обсужденіи вопроса объ организаціи будущаго воднаго управленія въ Крыму никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду того соображенія, что никакой болѣе или менѣе серьезной ломки этого *существующаго* порядка, каковъ бы онъ ни былъ, допустить невозможно и *при выработкѣ закона о водѣ положеніе это слѣдуетъ считать основнымъ*, несмотря на то, что всѣ имѣющіяся данныя удостовѣряютъ, что многія воды распределены крайне неравномѣрно и въ то время какъ одни нуждаются въ водѣ для питья и для домашнихъ потребностей, другіе имѣютъ возможность производить даже излишнія поливки и содержать весьма доходныя мельницы. Необходимо приэтомъ добавить, что насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, нужно признать, что эта неравномѣрность въ водопользованіи настолько уже узаконилась и освятилась временемъ, давностью (хотя давностнаго пользованія законъ и не признаетъ) и до извѣстной степени даже оформлена разными законными актами, что едва ли можетъ быть рѣчь о какомъ нибудь, такъ сказать, насильственномъ передѣлѣ въ пользованіи оросительными водами. Этому передѣлу боятся въ Крыму болѣе всего. Въ особенности едва ли можетъ быть допущено отобраніе излишней воды отъ однихъ и передача ее другимъ, до совершенно точнаго выясненія что слѣдуетъ понимать подъ излишней водой.

Въ такомъ видѣ представляется *основный вопросъ объ организаціи* порядка въ водопользованіи Крымскаго полуострова.

Другой вопросъ, вытекающій изъ перваго и находящійся съ нимъ въ ближайшей связи, заключается въ томъ: *въ какой формѣ должно выразиться признаніе правительствомъ существующаго порядка пользования и представляется ли необходимымъ и возможнымъ выразить это право въ формѣ документовъ, выдаваемыхъ на определенное количество воды?*

Нижеслѣдующія соображенія указываютъ, что такихъ документовъ повидимому выдавать не слѣдуетъ, а надлежитъ ограничиться признаніемъ, за извѣстными лицами, только права на пользованіе водою изъ извѣстныхъ источниковъ,

не опредѣляя размѣровъ этихъ правъ *ни въ точныхъ, ни въ приближительныхъ, ни въ среднихъ цифрахъ.*

Къ такому заключенію приводятъ прежде всего свойства крымскихъ рѣкъ и характеръ крымскаго орошенія. Какъ извѣстно крымская ирригація имѣетъ первобытное устройство и находится въ полной зависимости отъ стихійныхъ силъ. Управление такой ирригаціи возможно только до извѣстной и, притомъ, весьма незначительной степени и регулярность, точность и обеспеченность въ полученіе *извѣстнаго* количества воды, что уже достигнуто на многихъ ирригаціонныхъ системахъ Запада и Америки, въ Крыму недостижима. Воды то необычайно много, то слишкомъ мало и не уменьшить ея вреднаго излишества, не устранить недостатка ея, когда она нужна, при настоящихъ условіяхъ орошенія, средствъ не имѣется. Когда воды очень много, она никому ненужна, когда ее мало, или нѣтъ совсѣмъ, она нужна всѣмъ. Только высокая степень техники, и то современемъ, будетъ въ состояніи справиться съ такими свойствами крымской ирригаціи, а пока нуждающіеся въ орошеніи находятся въ фатальной зависимости отъ стихійныхъ силъ.

Спрашивается, возможно ли, при такихъ обстоятельствахъ, *установленіе документальныхъ правъ на извѣстное количество воды?* На этотъ вопросъ неизбеженъ отрицательный отвѣтъ. Каждому нуждающемуся въ орошеніи можетъ быть обеспечено не какая либо постоянная, извѣстная, доля воды, а доля только той воды, которая дѣйствительно будетъ. Такого воззрѣнія на это отчасти придерживается и закавказскій законъ, устанавливающий, что для участниковъ орошенія, въ выдаваемыхъ документахъ, означается лишь право на *среднее количество воды.* Однако едва ли это можетъ имѣть какое-либо практическое значеніе и едва ли можно признавать даже право на среднее количество воды и мнѣ кажется, насколько всякія *среднія* величины удобны для ученыхъ и научныхъ соображеній, настолько же они невозможны въ юридическихъ актахъ, выражающихъ извѣстное право.

Въ самомъ дѣлѣ, какое количество воды могъ бы потре-

бовать истецъ, если бы ему пришлось предъявить искъ о неполученіи воды за извѣстный оросительный періодъ? Если принадлежащее истцу и указанное въ документѣ *среднее* количество воды составляетъ обыкновенно, положимъ, 5 цапокъ, то въ оросительный періодъ, относящійся ко времени иска, истецъ *можетъ быть имѣть право только на 2 цапки*, каковыя ему и дѣйствительно и причитались, но причитались отнюдь не на основаніи документа, а по разверсткѣ дѣйствительно бывшаго количества воды и, слѣдовательно, эти 2 цапки онъ будетъ отыскивать не по документу, который явится въ данномъ случаѣ лишь выраженіемъ права на воду, а не указаніемъ размѣра этого права. Такимъ образомъ, въ подобныхъ искахъ документы никакой роли играть, очевидно, не призваны, между тѣмъ какъ документы только тогда и цѣнны, когда они имѣютъ доказательное значеніе при выясненіи извѣстныхъ правъ и не требуютъ въ подтвержденіи своей силы и значенія еще другихъ дополнительныхъ доказательствъ, которыя неизбѣжны во всѣхъ подобныхъ вышеприведенному случаяхъ.

Обращаясь, такимъ образомъ, къ вопросу о возможности установленія документальныхъ *правъ на известное количество воды* въ Крыму нужно прямо сказать, что ни при настоящихъ условіяхъ, ни даже при болѣе совершенной ирригаціи установить такихъ правъ нельзя и будетъ достаточно, если будетъ установлено только право на пользованіе водою. Если бы попытаться, въ настоящее время, сдѣлать практическую попытку подобнаго установленія правъ отдѣльныхъ землевладѣльцевъ на *опредѣленное количество воды*, то получилось бы слѣдующее. Для того, чтобы вести правильное оросительное хозяйство, необходимо нужно знать: 1) количество имѣющейся воды, 2) количество дес. земли, подлежащихъ орошенію, и 3) сколько воды требуется на дес. извѣстнаго рода насажденій (или такъ называемый модуль). Изъ этихъ трехъ необходимыхъ данныхъ, что касается собственно Крыма, точно также какъ и Кавказа, имѣется налицо только одна: *количество подлежащей орошенію земли*; остальные двѣ величины остаются неизвѣстными и потому землевла-

дѣльцы обыкновенно забираютъ столько воды, сколько имъ кажется нужнымъ, но не столько, сколько нужно дѣйствительно и притомъ стараются забрать, для вѣрности, всегда побольше, а такъ какъ въ крымскихъ рѣкахъ количество воды всегда весьма ограниченное и часто переменяющееся, то отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ ниже лежитъ владѣніе, тѣмъ оно находится въ худшихъ оросительныхъ условіяхъ.

Если бы теперь т. е. до выясненія фактическаго состоянія крымской ирригаціи *приступитъ къ установленію правъ на определенное количество воды*, то при этомъ установленіи никакъ нельзя руководствоваться ни показаніями самихъ владѣльцевъ, не знающихъ своихъ модулей, ни соображеніями относительно всего запаса распредѣляемой воды, такъ какъ этотъ запасъ въ точности неизвѣстенъ, ни обычными порядками, почти нигдѣ не признаваемыми. Напримѣръ многіе расходующіе теперь по пяти цапокъ на извѣстное количество десятиныхъ извѣстнаго посѣва могли бы удовлетвориться половиннымъ количествомъ этой воды, безъ всякаго ущерба для своего хозяйства и, слѣдовательно, ясно, что половина потребляемой воды расходуется напрасно и въ ущербъ другимъ лицамъ, нуждающимся въ водѣ. Такимъ образомъ *только послѣ выясненія модулей, послѣ установленія мѣры воды и послѣ выясненія, сколько воды подлежитъ распредѣленію, получатся точныя свѣдѣнія о запасахъ оросительной воды и только тогда могли-бы быть установлены документальныя права на определенное количество воды*, но, какъ выше указано, благодаря свойствамъ азіатской ирригаціи, эти права всетаки не могли-бы быть выражены въ точныхъ цифрахъ, а цифры, среднія, приближительная не могутъ имѣть значенія въ спорныхъ и исковыхъ дѣлахъ. Сторонниками установленія документальныхъ правъ на воду практически высказываются слѣдующія мнѣнія относительно возможности распредѣленія оросительной воды, *предполагая, что такое распредѣленіе необходимо*, что я, однако, совершенно отрицаю. Именно говорятъ: 1) или нужно раздѣлить всю имѣющуюся оросительную воду на число дес., принадлежащихъ владѣльцамъ и

признать за ними право на то количество воды, которое причтется каждому изъ нихъ по разверсткѣ; 2) или оставить за каждымъ владѣльцемъ то, что онъ имѣеть, т. е. то количество воды, какое онъ теперь получаетъ, предоставивъ ему и впредь распоряжаться этимъ же количествомъ воды по своему усмотрѣнію; 3) или опредѣлить дѣйствительно нужное для существующихъ насажденій количество воды (модуль) и признать за каждымъ замлевладѣльцемъ только право на это количество воды, т. е. установить закавказскій принципъ—опредѣлять не права, а потребность. Но *первый способъ* устраняетъ возможность развитія культуры иначе какъ въ предѣлахъ существующихъ владѣній; *способъ второй* несогласенъ съ общими интересами ирригаціи, ибо многіе только по праву сильнаго получаютъ воды гораздо болѣе чѣмъ нужно т. е. получаютъ въ ущербъ другимъ; *третій же способъ*, по мнѣнію моему, наиболѣе справедливый и желательный въ Крыму пока непримѣнимъ за неимѣніемъ свѣдѣній ни о количествѣ оросительной воды, ни о необходимомъ для орошенія каждой дес. насажденій минимумѣ этой оросительной воды, т. е. модуль.

Мнѣ кажется, что изъ всего только что изложеннаго, кромѣ невозможности установленія правъ на воду ни по первому, ни по второму способу, между прочимъ также ясно видно, что кромѣ правительственнаго надзора за порядкомъ въ водопользованіи, каковой порядокъ обезпечитъ спокойное пользованіе водою, *будущность крымской культуры и вопросъ о преуспѣяніи ея не столько зависитъ отъ тѣхъ правилъ, которыя будутъ выработаны, сколько отъ привлеченія къ этому дѣлу науки и, въ особенности, искусства удерживать воды на полезное ихъ употребленіе.* Сколько этихъ водъ безполезно пропадаетъ для крымскаго орошенія, объ этомъ будетъ сказано нѣсколько словъ ниже, теперь же необходимо добавить, что безъ закона о водѣ Крымъ еще можетъ оставаться, но что необходимо немедленное техническое усовершенствованіе въ существующихъ оросительныхъ системахъ и удержаніе хотя бы нѣкоторой доли тѣхъ водъ, которыя нынѣ безслѣдно

пропадаютъ въ морѣ, и я убѣжденъ, что это скорѣе подвинуло бы къ благополучному разрѣшенію надвигающійся водный кризисъ, чѣмъ выработка самыхъ образцовыхъ правилъ, такъ какъ, повторяю еще разъ, что единственный источникъ безпорядковъ въ пользованіи водой происходитъ отъ недостатка этой воды и только этотъ недостатокъ вызываетъ насиліе и самоуправство, при изобиліе же воды порядокъ явится самъ собой, какъ онъ вездѣ существуетъ, гдѣ воды много. Конечно, это изобиліе достижимо, иначе и говорить объ немъ не стоитъ.

Отвѣчая на вопросы, постановленные въ 5 и 7 тезисахъ, я прихожу къ слѣдующему заключенію: 1) Ни устанавливать, ни укрѣплять, ни опредѣлять правъ на воду, т. е. опредѣлять въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлается въ Закавказьѣ, въ Крыму не представляется надобности. 2) Документовъ на право полученія *опредѣленнаго* или *средняго количества воды* выдавать не слѣдуетъ и достаточно признаніе права на пользованіе водой изъ извѣстнаго источника. 3) Установившіяся и фактически существующія права на воду необходимо выяснить и сдѣлать имъ точную регистрацію, предоставивъ это выясненіе и регистрацію самимъ участникамъ орошенія. 4) Документы на право пользованія водой, если такіе документы будутъ признаны необходимыми, должны быть выданы не ранѣе, какъ по приведеніи въ извѣстность фактическаго состоянія крымской ирригаціи, т. е. по выясненіи количества орошаемыхъ земель, количества находящейся въ распоряженіи оросительной воды и модулей. 5) За пользованіемъ водой требуется немедленно установить правительственный надзоръ, какъ техническій, такъ и административный; спорные же вопросы о правахъ на воду должны оставаться въ вѣдѣніи судовъ.

Въ тезисахъ 6 и 7 моего сообщенія выражена та мысль, что оросительныя воды Крыма должны находиться въ непосредственномъ завѣдываніи правительственной власти и что это завѣдываніе должно выражаться въ надзорѣ административномъ, судебномъ и техническомъ.

Въ этихъ тезисахъ также пояснено, что непосредствен-

ный надзоръ правительства разумѣется не въ смыслѣ эксплуатаціи оросительныхъ водъ, какъ государственнаго имущества, и что завѣдываніе это должно быть установлено, какъ въ видахъ достиженія порядка въ пользованіи водами, такъ и въ видахъ достиженія экономнаго распредѣленія орошенія, въ интересахъ всего нуждающагося въ немъ населенія.

Въ тезисѣ 7 также пояснено, что надзоръ этотъ имѣетъ своею ближайшею задачею обезпечить *во первыхъ* спокойное пользованіе орошеніемъ, *во вторыхъ* правильное разрѣшеніе возникающихъ изъ за орошенія споровъ и *въ третьихъ* возможное техническое улучшеніе ирригаціонныхъ системъ.

Въ виду уже ранѣе приведенныхъ доказательствъ въ подтвержденіе того, что источникомъ беспорядковъ въ Крыму служить главнѣйшимъ образомъ недостатокъ оросительной воды при отсутствіи власти, наблюдающей за орошеніемъ, а также отсутствіе всякихъ руководящихъ началъ при судебномъ разбирательствѣ споровъ и, наконецъ, недостатокъ надзора техническаго, словомъ говоря отсутствіе всякой организаціи въ орошеніи, приведенные тезисы не требуютъ особыхъ доказательствъ, такъ какъ едва ли можетъ быть оспариваема необходимость установленія всѣхъ этихъ видовъ надзора и только рѣчь можетъ идти о формѣ самаго надзора.

Возникаютъ сами собой вопросы: 1) нужны ли *особые водные суды* для рѣшенія дѣлъ, возникающихъ изъ пользованія орошеніемъ; и 2) не будетъ ли болѣе удобно установить судебно-административный порядокъ рѣшенія дѣлъ, съ предоставленіемъ подлежащимъ лицамъ власти разрѣшать окончательно тѣ дѣла, въ которыхъ заключается *только* нарушенія порядка пользованія, но не правъ на полученіе оросительной воды.

Отвѣчая на эти вопросы нельзя, прежде всего, не замѣтить, что устройство какихъ либо особыхъ водныхъ судовъ, существующихъ кой гдѣ въ Западной Европѣ, совершенно не требуется, такъ какъ разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ воднаго права можетъ быть, безъ всякаго ущерба для дѣла, предоставлено обыкновеннымъ судамъ, призваннымъ рѣшать

всевозможныя дѣла, заключающія въ себѣ гораздо болѣе важные вопросы технического свойства, чѣмъ это можетъ встрѣтиться при разрѣшеніи водныхъ дѣлъ, вообще никакой сложности не представляющихъ, вопреки господствующаго мнѣнія.

Учрежденія особыхъ водныхъ судовъ, въ видахъ достиженія большей быстроты рѣшеній, исходитъ изъ предположенія, по моему мнѣнію, ни на чемъ не основаннаго, будто бы рѣшеніе водныхъ дѣлъ особенно не терпитъ никакой медленности, между тѣмъ, какъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію что *рѣшеніе вопросовъ о правахъ на воду*, какъ рѣшеніе всякихъ правовыхъ вопросовъ всегда будетъ требовать судебного процесса и судебныхъ доказательствъ т. е. всегда будетъ требовать времени, и никогда не можетъ достигнуть той быстроты, которая однако исполнѣ возможна при рѣшеніи судебно-административнымъ порядкомъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые не касаются нарушенія правъ на воду, а заключаютъ въ себѣ лишь нарушеніе установленнаго порядка.

Едва ли можно оспаривать, что между нарушеніемъ правъ и нарушеніемъ установленнаго въ водопользованіи порядка не можетъ быть проводимо никакой аналогіи и насколько выясненіе нарушенныхъ правъ, какъ въ водныхъ, такъ и во всѣхъ проч. имущественныхъ дѣлахъ, болѣе или менѣе сложно и медленно, такъ въ возстановленіи нарушеннаго порядка обыкновенно не представляетъ никакихъ затрудненій. Если ближе присмотрѣться къ дѣлу, то окажется, что большинство нарушеній порядковъ водопользованія касаются собственно нарушенія очередей въ пользованіи водою, а такія нарушенія должны быть возстанавливаемы немедленно и, слѣдовательно, не могутъ быть предоставлены судамъ.

Наконецъ надзоръ техническій или вѣрнѣе техническо-полицейскій вызывается, прежде всего, условіями безопасности и общественнаго порядка, а также и интересами населенія, крайне нуждающагося въ экономномъ пользованіи орошеніемъ, каковое экономное пользованіе, какъ видно изъ всего выше изложеннаго, весьма желательное и можетъ быть достигнуто

главнѣйшимъ образомъ, вмѣшательствомъ техническаго надзора. Само собою разумѣется, что для установленія всѣхъ этихъ трехъ видовъ правительственнаго надзора вовсе не требуется объявлять всѣ оросительныя воды государственною собственностью, какъ это было нѣкогда сдѣлано въ Туркестанѣ, какъ не требуется называть ихъ казенными.

Въ Туркестанѣ также въ видахъ достиженія только этого надзора, такъ какъ и тамъ правительство никогда не собиралось эксплуатировать водъ въ свою пользу, еще двадцать лѣтъ тому назадъ, когда положенія объ управленіи краемъ еще не было и распоряженія генераль-губернатора имѣли законодательную силу, воды были объявлены государственною собственностью, а населенію было предоставлено только пользование ею и, съ тѣхъ поръ, въ Туркестанѣ смотрятъ на оросительныя воды какъ на государственное достояніе, которымъ казна распоряжается по своему усмотрѣнію, хотя и не эксплуатируетъ въ свою пользу не вмѣшивается въ распредѣленіе воды между отдѣльными хозяйствами.

При изданіи кавказскаго закона о водѣ предполагалось первоначально также объявить воды казенною собственностью, но это не было признано возможнымъ, главнымъ образомъ потому что, по смыслу нашихъ гражданскихъ законовъ, всякая казенная собственность должна быть приурочена къ какому нибудь вѣдомству (ст. 406 т. X ч. 1) и должна находиться въ распоряженіи этого вѣдомства на правахъ собственности.

Но, повидимому, для достиженія тѣхъ цѣлей, которымъ долженъ удовлетворять законъ объ оросительной водѣ, и не требуется объявлять эти воды казенными или государственными и представляется совершенно достаточнымъ учрежденія надъ ними того непосредственнаго надзора, о которомъ говорено выше.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ представляется весьма необходимымъ указать предѣлы этого надзора и допускаемыя границы его вмѣшательства въ распредѣленіе оросительной воды между соучастниками орошенія и это составитъ одну изъ важнѣй-

шихъ задачъ будущаго крымскаго закона о водѣ. Въ этомъ отношеніи крайне было бы желательно установить *то основное начало, что правительство предоставляетъ самимъ со-участникамъ орошенія установить порядокъ пользования и опредѣлить слѣдующее каждому участнику количество воды, категорически пояснивъ, что правительство совершенно не вмѣшивается во внутренній распорядокъ воднаго хозяйства и что подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ орошеніемъ вовсе не можетъ быть подразумѣваемо какое нибудь вмѣшательство въ распределение воды между пользующимися орошеніемъ.*

По мнѣнію моему, роль правительства, прежде всего выражается, такъ сказать, *во внешнемъ надзорѣ* за исправнымъ состояніемъ каналовъ и за ихъ техническимъ благоустройствомъ. Затѣмъ правительственная власть будетъ призываться только для возстановленія нарушеннаго порядка или для возстановленія нарушеннаго права и призываться не иначе какъ по инициативѣ самихъ потерпѣвшихъ или заинтересованныхъ лицъ, само собою разумѣется исключая тѣ случаи когда сдѣланное нарушеніе имѣетъ общественное значеніе и вызываетъ вмѣшательство власти по силѣ самаго закона (напр. нарушеніе, сопряженное съ опасностью для населенія).

Въ видахъ достиженія этого необходимо, чтобы для внутренняго управленія воднымъ хозяйствомъ, въ предѣлахъ оросительной канавы, или цѣлой оросительной системы, состояло управленіе изъ лицъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ исправности этой канавы или системы и въ этомъ внутреннемъ управленіи воднымъ хозяйствомъ правительству уже не должно принадлежать никакой роли.

Только необходимое, т. е. необходимое въ общихъ интересахъ, улучшенія ирригаціонныхъ системъ и болѣе экономное распределеніе имѣющейся воды, т. е. устраненіе хищническаго пользованія водою, можетъ подлежать вѣдѣнію правительства и только по этимъ двумъ пунктамъ явится необходимость вмѣшательства правительственной власти во внутренній распорядокъ ирригаціоннаго хозяйства, но и то въ

извѣстной лишь степени, которая должна быть опредѣлена въ законѣ.

Въ какой именно степени возможно вмѣшательство правительства для достиженія экономнаго распредѣленія воды и для улучшенія ирригаціонныхъ системъ объ этомъ можно будетъ судить лишь впоследствии, не ранѣе какъ послѣ выясненія количества воды и послѣ детальнаго изученія этихъ системъ и всѣхъ условій оросительнаго хозяйства. И такъ какъ эти функціи входятъ въ область технического вѣдѣнія, а техника, какъ извѣстно, часто увлекается идеями усовершенствованія безъ соображенія со средствами, то законъ долженъ поставить границы вмѣшательства техниковъ, освободивъ всѣхъ пользующихся ирригаціей отъ всякаго произвола техниковъ и установивъ достаточный контроль противъ злоупотребленія личнымъ усмотрѣніемъ.

Такой законъ представляетъ тѣмъ болѣе сугубую важность по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, что боязнь излишняго вмѣшательства техниковъ въ устройство и управленіе ирригаціей имѣетъ свои основанія и склонность къ этому вмѣшательству дѣйствительно проявляется иногда въ весьма рѣзкой степени.

Какъ на рѣзкій примѣръ уже бывшаго подобнаго вмѣшательства можно указать на инструкцію, изданную въ Туркестанѣ во время управленія генерала Фонъ-Кауфмана, а отчасти примѣромъ такого излишняго вмѣшательства можетъ служить и закавказскій законъ, коимъ представляется право правительству измѣнять, легко сказать, системы каналовъ для улучшенія ихъ и сбереженія воды (стр. 5 врем. прав.) и хотя предоставленіе этого права обусловлено необходимостью, но всѣ знающіе, что значитъ измѣнить систему каналовъ, согласятся, что осуществленіе такого права возлагаетъ на правительство обязанность гарантировать населенію выгоду отъ такого измѣненія системы, что едва ли можно ожидать примѣненія этого закона на практикѣ.

Въ Туркестанѣ также уже были голоса техниковъ, высказывающіеся за необходимость переустройства азіатской

ирригаціи на европейскій ладъ и потому мнѣ кажется, что стремленіе техникувъ къ переустройству и передѣлкѣ оросительныхъ системъ должно быть сдерживаемо положительнымъ закономъ, а жителямъ гарантирована извѣстная неприкосновенность ирригаціонныхъ порядковъ и безопасность отъ вторженія произвола техники.

Несомнѣнно, однако, что технику, въ будущемъ устройствѣ крымской ирригаціи принадлежитъ выдающаяся роль, но эта роль будетъ касаться преимущественно отысканія новыхъ запасовъ оросительныхъ водъ или сбереженій уже существующихъ и на этомъ поприщѣ участіе техники можетъ имѣть безконечно благотворныя послѣдствія.

Необходимо къ этому добавить, что по сдѣланнымъ изслѣдованіямъ и, вопреки установившемуся мнѣнію о недостаткѣ оросительной воды въ Крыму, — оказывается, что воды тамъ болѣе, чѣмъ достаточно, не только для существующихъ культуръ, но и для культуръ втрое большихъ по своимъ размѣрамъ, но все дѣло въ томъ, что этими запасами воды жители не могутъ или не умѣютъ пользоваться и помощь техники была бы здѣсь какъ нельзя болѣе умѣстна. Чтобы не вдаваться въ излишнія подробности достаточно сказать, что въ Крыму имѣется никакъ не болѣе 7.000 десятинъ съ поливной культурой. Для орошенія этихъ десяти тысячъ требуется не болѣе 4 милл. кубич. саженой воды (годовой пропорціи), между тѣмъ въ Крыму, по самымъ скромнымъ исчисленіямъ, въ распоряженіи населенія имѣется никакъ не менѣе 12—20 милліоновъ кубическихъ саженой воды, т. е. втрое и впятеро болѣе того, что требуется — и только благодаря неумѣнію пользоваться водой — тамъ ощущается нужда въ водѣ и изъ за нея происходятъ всякаго рода недоразумѣнія и самоуправства.

Вотъ въ сущности все, что я хотѣлъ сказать относительно устройства правительственнаго надзора за орошеніемъ въ Крыму.

Такой надзоръ, какъ мнѣ кажется, долженъ достигнуть слѣдующихъ результатовъ: совершенно обезпечить спокойное пользованіе орошеніемъ, устранить то безвластіе, которымъ

нынѣ обусловливаются всѣ безпорядки и самоуправства, обезпечить правильное разрѣшеніе возникающихъ судебныхъ дѣлъ о правахъ на воду и постепенно улучшить техническое устройство ирригаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть болѣе экономнаго пользованія водой.

Но самое важное, что такимъ устройствомъ будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, устранена та весьма нежелательная ломка существующихъ порядковъ, которая должна неминуемо произойти, если бы было предпринято опредѣленіе, установленіе, узаконеніе правъ и выдача документовъ, какъ это предполагается сдѣлать на Кавказѣ.

Переходя къ послѣднему тезису моего сообщенія—о необходимости установленія легальныхъ сервитутовъ по проводу канавъ и устройству водохранилищъ на чужихъ земляхъ, я долженъ заявить, что изъ этихъ сервитутовъ первый вытекаетъ, какъ изъ тѣхъ положеній мусульманскаго права, которыя сохраняются понынѣ, такъ и изъ существующихъ обычаевъ и не только не оспаривается ни въ одной изъ странъ съ азіатской ирригаціей, но вездѣ, (въ особенности въ Турціи и Персіи) выражается въ самой императивной формѣ. Второй же изъ этихъ сервитутовъ, повидимому, долженъ быть созданъ специально для нѣкоторыхъ мѣстностей Крыма (особенно для южнаго берега) и объясняется геологическими условіями и характеромъ мѣстности.

Другіе виды сервитутовъ, какъ то сервитуты по проходу и проѣзду черезъ чужія канавы и сервитутъ водопоя изъ чужихъ канавъ, въ Крыму, насколько мнѣ извѣстно, практически существуютъ также на основаніи установившагося обычая и никакихъ вопросовъ не возбуждаютъ.

Такимъ образомъ и такъ наз. мусульманское право и остатки обычая признаютъ сервитутное право по проводу канавъ черезъ чужія земли, но такъ какъ ни обычай, ни положенія мусульманскаго права уже давно не имѣютъ обязательной силы въ Крыму, то потому этотъ сервитутъ долженъ быть установленъ законодательнымъ порядкомъ и, въ данномъ случаѣ, вопросъ

можетъ быть только о техническихъ подробностяхъ этого установленія.

Въ этомъ отношеніи могутъ быть приняты почти всѣ постановленія кавказскаго закона, безъ всякихъ измѣненій.

Что касается до установленія сервитута по устройству водохранилищъ на чужихъ земляхъ, то съ рѣшеніемъ этого вопроса связано опредѣленіе того, что слѣдуетъ разумѣть подь „свободными водами“, а также опредѣленія тѣхъ условій, при которыхъ можетъ быть допускаемо устройство водохранилищъ на чужихъ земляхъ.

Самое важное возраженіе противъ допущенія такого устройства заключается въ томъ, что устройство это представляетъ стѣсненіе для владѣльцевъ тѣхъ земель, на которыхъ будутъ устроены чужія водохранилища и, слѣдовательно, законъ долженъ, прежде всего, оградить этихъ владѣльцевъ отъ всякаго такого стѣсненія, которое не представляется необходимымъ, въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ или обществъ.

Исходя изъ этого соображенія, законъ долженъ принять всѣ мѣры къ тому, что бы гарантировать владѣльцевъ земли отъ всякаго неправильнаго занятія ихъ собственности для устройства водохранилищъ, причемъ наиболѣе справедливое рѣшеніе этихъ вопросовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ много зависѣть отъ дѣятельнаго участія технической экспертизы.

Такъ какъ устройство канавъ и водохранилищъ на чужихъ земляхъ тѣсно связано съ вопросомъ объ изъятіи тѣхъ пространствъ земли, которыя отойдутъ подь устройство канавъ и водовмѣстилищъ изъ владѣнія ихъ собственниковъ и такъ какъ, по особеннымъ свойствамъ крымскаго орошенія, всѣ новыя каналы и водовмѣстилища на чужихъ земляхъ могутъ быть устроены не иначе, какъ путемъ утилизаціи свободныхъ водъ, то при установленіи легальныхъ сервитутовъ на устройство канавъ и водовмѣстилищъ на чужихъ земляхъ предстоить рѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ:

1) не слѣдуетъ ли какія нибудь земли совершенно изъять изъ дѣйствія устанавливаемыхъ легальныхъ сервитутовъ.

2) нужно ли *отчуждать* земли, отходящія подь устройство чужихъ канавъ и водовмѣстилищъ или же *отчужденіе* не требуется и достаточно будеть предоставленіе владѣльцамъ канавъ и водовмѣстилищъ только сервитутнаго права *пользованія землею*, находящеюся подь канавами и водовмѣстилищами доколѣ существуютъ самыя канавы и водовмѣстилища.

3) что слѣдуеть разумѣть подь „свободной водой“, которая можеть быть утилизирована для канавъ и водовмѣстилищъ, устраиваемыхъ на чужихъ земляхъ.

4) признать ли право проведенія канавъ и устройства водовмѣстилищъ на чужихъ земляхъ только для прибрежныхъ жителей или распространить это право и на владѣльцевъ земель непосредственно не прилегающихъ къ тѣмъ воднымъ источникамъ, свободная вода которыхъ можеть быть употреблена для орошенія земель посредствомъ канавъ и водовмѣстилищъ, устроенныхъ на чужихъ земляхъ.

На первый изъ этихъ вопросовъ имѣется отвѣтъ въ законѣ о водѣ для Закавказья (ст. 31, 32, зак. 3 дек. 1890 г.) и положенія, выраженные въ этомъ законѣ могуть быть приняты и для Крыма, съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями.

Относительно вопроса второго нельзя не признать, что закавказскій законъ, устанавливающій для провода канавъ по чужимъ землямъ отчужденіе этихъ земель, не долженъ быть примѣненъ къ Крыму и было бы достаточно ограничиться установленіемъ сервитутнаго права *пользованія землею* пока въ канавахъ имѣется оросительная вода.

Что слѣдуеть разумѣть подь свободной водой—это должно быть установлено закономъ съ совершенною точностью, такъ какъ вопросъ о свободности воды можеть возбуждать разнообразныя недоразумѣнія и въ особенности въ Крыму опредѣленіе термина свободная вода требуеть особенной точности и осторожности.

Наконецъ, вопросъ о томъ, предоставить ли только прибрежнымъ жителямъ право провода канавъ черезъ чужія земли или это право должно быть распространено и на владѣль-

цевъ небереговыхъ земель, представляется довольно сложнымъ въ виду того, что предоставленіе этого права однимъ прибрежнымъ владѣльцамъ имѣло бы характеръ установленія нежелательныхъ преимуществъ въ пользованіи водой собственно для береговыхъ жителей, а съ другой стороны предоставленіе этого права неприбрежнымъ владѣльцамъ, можетъ повлечь за собой техническія затрудненія, такъ какъ канавы, выводимыя на неприбрежныя земли, могутъ быть особенно длинны, т. е. вызывать непроизводительную потерю воды черезъ фильтрацію и испареніе, а потому, казалось бы, что справедливое рѣшеніе этого вопроса должно быть предоставлено мѣстному водному управленію, причемъ право провода канавъ на неприбрежныя земли, чрезъ чужія владѣнія, должно быть ограничено какимъ либо предѣльнымъ максимальнымъ разстояніемъ. Правильное рѣшеніе и этого вопроса зависитъ отъ предварительнаго выясненія фактическаго состоянія крымской ирригаціи.

Относительно устройства водовмѣстилищъ на чужихъ земляхъ, нельзя не добавить ко всему изложенному, что если право такое можно еще оспаривать, по отношенію къ культурнымъ районамъ, расположеннымъ къ сѣверу отъ крымскихъ горъ, то необходимость такого устройства, безусловно признается, на южномъ берегу Крыма, гдѣ по свойству мѣстности, имѣющей крутыя склоны, устройство водохранилищъ возможно только на чужихъ земляхъ.

Вотъ все, что я считалъ необходимымъ сказать о тѣхъ требованіяхъ, которымъ долженъ удовлетворять крымскій законъ при установленіи легальныхъ сервитутовъ, на устройство канавъ и водовмѣстилищъ и затѣмъ я перехожу къ краткому резюмированію всѣхъ моихъ положеній.

Я думаю, что послѣ всего мною высказаннаго нельзя сомнѣваться, прежде всего, въ необходимости скорѣйшаго введенія закона объ управленіи крымскимъ орошеніемъ. Мнѣ кажется, что спеціальная трудность въ данномъ случаѣ является, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что дѣло это такъ сказать слишкомъ запущено и собственно потому никакъ нельзя не считаться съ существующимъ и установившимъ порядкомъ

вещей. Весь вопрос сводится въ сущности къ тому—какъ согласить требованіе справедливаго и равномернаго распределенія оросительной воды, каковому требованію явно не удовлетворяетъ существующій порядокъ—съ возможностью не производить ломки дѣйствующаго режима, ломки неминуемой, если только начать устанавливать права, будетъ ли это установленіе сдѣлано по потребности, какъ это предполагено въ Закавказьѣ, или по какому либо иному масштабу?

Я полагаю, что примирить эти два требованія можно только предлагаемымъ мною способомъ, т. е. немедленнымъ введеніемъ судебно-административнаго и техническаго надзора и объявленіемъ, такъ сказать *statu quo* въ водномъ дѣлѣ. Подъ этимъ *statu quo* конечно временнымъ я разумѣю такое правительственное распоряженіе, на основаніи котораго всякое увеличеніе пространствъ, культивируемыхъ при помощи орошенія, всякіе новые отводы воды и проч. допускаются впредь не иначе, какъ съ разрѣшенія надлежащей власти. Я считаю, что одновременно съ такимъ распоряженіемъ, должно быть сдѣлано, въ обязательно кратчайшій срокъ, выясненіе существующаго порядка водопользованія и регистраціи этого порядка, въ формѣ ли протоколовъ или приговоровъ, это все равно—самими соучастниками орошенія по всѣмъ отдѣльнымъ канавамъ, съ тѣмъ чтобы этими приговорами или протоколами было выяснено современное фактическое состояніе воднаго дѣла, и наконецъ, одновременно съ этимъ выясненіемъ, долженъ быть введенъ техническій надзоръ за экономнымъ пользованіемъ водою и предпринято изученіе всѣхъ условій орошенія и опредѣленіе модулей.

По сдѣланному мною расчету на выясненіе фактическаго состоянія крымской ирригаціи, въ виду ея крайней незначительности, потребуется никакъ не болѣе полугода.

Въ Закавказьѣ, гдѣ пока также происходитъ только выясненіе фактическаго состоянія орошенія и еще не приступлено къ опредѣленію правъ на воду, также признано необходимымъ прибѣгнуть къ объявленію такого же *statu quo* и потому не смотря на то, что еще не приступлено къ опредѣленію

правъ на воду, никакихъ новыхъ отводовъ, безъ разрѣшенія власти, не разрѣшается.

Я думаю, что это лучшій исходъ изъ настоящаго положенія дѣла и полагаю, что этимъ путемъ, прежде всего, прекратится дальнѣйшее и притомъ столь нежелательное обездоливаніе нижнихъ владѣльцевъ верхними а затѣмъ установится порядокъ охраняемый надлежащею властью.

Опредѣленіе, установленіе и закрѣпленіе правъ на воду я вообще считаю ненужнымъ, и начать организацію крымскаго воднаго дѣла съ этого установленія и закрѣпленія правъ значило бы предоставить и впредь, на неопредѣленно долгій срокъ верхнимъ владѣльцамъ богатѣть за счетъ нижнихъ, а послѣднимъ искать въ самоуправствѣ и насиліи выхода изъ такого положенія. Но кромѣ того приступить въ настоящее время, къ опредѣленію правъ на воду, согласно *потребности* какъ въ Закавказьѣ и нельзя, за неимѣніемъ къ тому никакихъ данныхъ, закрѣпить же навсегда существующій порядокъ и явно незаконные захваты воды, было бы совершенно несправедливо, прекратить же дальнѣйшіе захваты не только вполне возможно, но и въ высшей степени желательно.

Мнѣ остается добавить, что необходимо спѣшить съ установленіемъ порядка въ крымскомъ водопользованіи, такъ какъ дальнѣйшее замедленіе въ этомъ дѣлѣ дѣйствительно можетъ повести къ разстройству и паденію многихъ хозяйствъ.

Н. Дингельштедтъ.

